

ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛУЧШИХ АВТОРОВ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Билл — герой Галактики
Фантастическая сага

АЗБУКА · ФАНТАСТИКА

Азбука-фантастика

Гарри Гаррисон

**Билл – герой Галактики.
Фантастическая сага**

«Азбука-Аттикус»

1965, 1967

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Гаррисон Г.

Билл – герой Галактики. Фантастическая сага / Г. Гаррисон —
«Азбука-Аттикус», 1965, 1967 — (Азбука-фантастика)

ISBN 978-5-389-23617-2

Билл, герой Галактики... Куда бы его ни бросила судьба – в воронку ли безумной войны с расой миролюбивых чинджеров, в ядовитые ли болота недружественной людям планеты Вениолы или на мрачные подземные уровни Гелиора, столицы империи, – отовсюду он выходит героем. А все началось с того, что простой деревенский парень с захолустной планетки Фигеринадон-2, уловками имперских вербовщиков угодивший в космический десант, случайно выпускает ракету и сбивает вражеский флагман. Терри Пратчетт назвал это произведение Гаррисона самым смешным романом, который существует в фантастике. В «Фантастической саге» предприимчивые голливудские кинодеятели, не имея ни денег, ни сценария, ни толковых актеров, отправляются на машине времени в суровые времена Средневековья, чтобы снять фильм о викингх – о том, как они открыли Америку. Действительно, зачем деньги, зачем сценарий, актеры и декорации, когда приходишь на все готовое?.. И «Билл – герой Галактики», и «Фантастическая сага» входят в золотой фонд мировой фантастики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23617-2

© Гаррисон Г., 1965, 1967

© Азбука-Аттикус, 1965, 1967

Содержание

Билл – герой Галактики	8
Часть первая	8
Часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Гарри Гаррисон

Билл – герой Галактики; Фантастическая сага (сборник)

Harry Harrison

BILL, THE GALACTIC HERO

Copyright © 1965 by Harry Harrison

THE TECHNICOLOR® TIME MACHINE

Copyright © 1967 by Harry Harrison

All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© С. Соколов, перевод, 1991

© И. Почиталин (наследник), перевод, 1970

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», гранд-мастер премии «Ньебюла», рыцарь ордена святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – от иллюстраторского мастерства до продвижения эсперанто.

* * *

Я любил его читать, а в голодные для фантастики времена – перечитывать... Это классика научной фантастики XX века, неиссякаемый источник удовольствия для любого квалифицированного читателя.В

Борис Стругацкий

Это превосходная фантастика двадцатого века. Отличные сюжеты и завораживающие миры.

Goodreads

Удивительно плодовитый автор, по мере своего взросления бравшийся за все более серьезные темы.

The Guardian

Литературное наследие Гаррисона – один из главных монументов в современной НФ.

Пол Ди Филиппо, Scifi.com

Если вы любите НФ, вы точно читали одну из книг Гаррисона.
Нил Гейман, автор «Звездной пыли» и «Американских богов»

Билл – герой Галактики

Часть первая

1

Билл так никогда и не понял, что первопричиной всех последовавших событий был секс. Ведь если бы солнце не сияло так ярко тем утром в оранжевом небе Фигеринадона-2 и если бы не сверкнула перед Биллом белоснежная пухленькая попка плескавшейся в ручье Инги-Марии Калифигии, то, надо полагать, он уделил бы больше внимания пахоте, а не насущным нуждам противоположных полов. К тому времени, когда со стороны дороги донеслись манящие звуки музыки, он был бы уже на дальнем конце поля и ничего не услышал бы. Тогда его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем иначе. Но он услышал и бросил плуг, который тащил робомул, и повернулся, и разинул рот.

Зрелище и впрямь открывалось фантастически славное. Во главе процессии выступал робот-оркестр трехметрового роста, да еще в высоченном гусарском кивере, венчавшем отменную акустическую систему. Умопомрачительный робот твердо чеканил шаг колонноподобными ножищами, сверкающими золотом, а три десятка его рук виртуозно наигрывали, наяривали и нажаривали на множестве инструментов одновременно. Бравурная заводная музыка оглашала окрестности. Даже деревенщина Билл неуклюже задвигал ногами в деревянных башмаках в унисон сверкающим ботинкам солдат, что маршировали следом за роботом. На широкой груди каждого бравого воина звенели медали, и вид у колонны был, вне сомнения, самый молодецкий. Процессию замыкал сержант во всем великолепии галунов и позументов, знаков отличия и орденских лент, в блестящей кирасе, при мече и револьвере, едва не перерезанный пополам туго затянутым ремнем. Его стальной взгляд остановился на глазающем из-за плетня Билле, жесткие губы искривились в дружеской улыбке, и он едва заметно по-свойски подмигнул. В сопровождении запыленной орды скачущих, ползущих на гусеницах и катящихся на колесиках вспомогательных роботов всех мастей маленький отряд скрылся за поворотом, а Билл неуклюже перелез через плетень и затрусил следом. Интересные события происходили на Фигеринадоне-2 не чаще двух раз в четыре года, и он не собирался пропускать третье.

К тому времени как запыхавшийся Билл появился на рыночной площади, там уже собралась порядочная толпа зевак. Концерт и впрямь был восхитительным. Робот-оркестр самозабвенно исполнил торжественные такты «Марша звездной пехоты», прорубился сквозь «Ракетные раскаты» и едва не разнес сам себя в клочья бурным ритмом «И в аду сапер окоп отроет». Заключительный аккорд он взял с таким жаром, что одна из его ног неожиданно взвилась высоко в воздух, но была ловко подхвачена им на лету, и робот закончил выступление, балансируя на одной ноге, а оторвавшейся конечностью отбивая такт. Когда отзвучало финальное душераздирающее «Форте» медных труб, робот, использовав освободившуюся конечность в качестве указки, направил внимание толпы на противоположную сторону площади, где уже развернули трехмерный экран и палатку с прохладительными напитками. Солдаты неприметно скрылись в кабачке, а лучащийся сердечной улыбкой сержант-вербовщик остался один среди роботов.

– Слушайте, слушайте! – загорланил он зычным командирским голосом. – Выпивка за счет императора, а чтоб не скучать – забойная киношка про дальние края!

Толпа повалила на зов. Билл, само собой, тоже, и лишь несколько пожилых, тертых калачей-дезертиров нырнули в переулочек: они-то знали, что к чему. Прохладительные напитки подавал робот с краном вместо пупка и с неисчерпаемым запасом пластиковых стаканчиков в бедре. Билл смаковал свое питье, всецело поглощенный невероятными приключениями солдат из Космических частей – в цвете и с аудиовизуальной стимуляцией подсознания. Там было все: битва, смерть и неувядаемая слава – хотя гибли только чинджеры, солдаты же отделялись аккуратными симпатичными поверхностными ранениями, которые легко удавалось скрыть марлевыми повязочками. Билл, увлеченно созерцавший красочное зрелище, и подумать не мог, что в то же самое время его увлеченно созерцает сержант-вербовщик Грю, чьи маленькие пороссячи глазки похотливо бегали по ладной фигуре неиспорченного деревенского парня.

«Как раз что надо!» – ликовал сержант и машинально облизывал губы языком, покрытым желтоватым налетом. Он уже чувствовал, как карман оттягивают премиальные за этого ослика.

Толпа на площади состояла в основном из мужичья непризывного возраста, баб-толстух и сопливых ребятишек – материала самого нестроевого. Исключение составлял только вот этот плечистый, мускулистый кусок электроннопушечного мяса. С точностью, свидетельствующей о большом опыте, сержант убавил инфразвуковое сопровождение и направил в кудрявый затылок своей жертвы узкий стимулирующий луч. Билл аж затрясся, вживаясь в грандиозную битву, которая разворачивалась перед его глазами.

Прозвучал заключительный аккорд, экран погас, и робот-бармен забарабанил в свою железную грудь со словами: «Напитки! Напитки!»

Публика, как стадо баранов, повалила на зов, а Билла задержала крепкая рука.

– Глянь-ка, что у меня есть, – сказал сержант и вручил Биллу стакан жидкости, содержащей такое количество подавляющего волю наркотика, что на дно выпал кристаллический осадок. – Ты парень что надо, не чета этим олухам неотесанным! Никогда не задумывался о солдатской карьере?

– Не гожусь я, сержант. – Билл пошлепал губами и сплюнул; казалось, что-то мешает ему выговаривать слова. И с мыслями он никак не мог совладать. Но о его высокой устойчивости свидетельствовал тот факт, что он вообще еще держался на ногах после лошадиной дозы химических и инфразвуковых стимуляторов. – Не гожусь я. Хочу быть мастером в любимом деле. – Билл покачал головой. – Сейчас я заканчиваю заочный курс операторов механических навозоразбрасывателей, ну и...

– Дерьмовая работа для такого парня, как ты! – гаркнул сержант, оценивающе похлопывая Билла по бицепсу. Скала!.. Он с трудом удержался, чтобы не оттянуть Биллу губу и не посмотреть на зубы – успеется еще. – Пускай в навозе копаются другие, тебе там ничего не светит! Зато в армии можно сделать карьеру дай бог всякому! Возьми хотя бы адмирала Пфлюнгера; прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы – от рядового до Великого Адмирала! Что скажешь?

– Ну, я рад за господина Пфлюнгера, но по мне навоз куда милее. Да что это меня так в сон тянет? Пойти вздремнуть часок, что ли...

– Только сначала, сделай одолжение, погляди вот сюда, – перебил его сержант, показывая на книжку, которую держал раскрытой крохотный робот. – Встречают, как говорится, по одежке, а большинство моих знакомых постыдились бы показаться на людях в такой жалкой дерюге, что на тебе, не говоря уж о твоих дерьмоступах. На кой черт таскать тряпки, если можно выглядеть вот так!

Толстый палец ткнулся в книжку, и Билл перевел взгляд на цветную картинку, на которой благодаря чудесам техники поставленной на службу дурным целям, красовался он собственной персоной в блестящем красном мундире космического пехотинца. Сержант переворачивал страницы, и с каждой новой мундир становился все более великолепным, украшенным все более высокими знаками отличия. Последняя изображала неотразимую форму самого Вели-

кого Адмирала, и Билл недоверчиво заморгал, увидев физиономию, хоть, правда, и морщинистую, и с элегантными, с проседью усиками, но, несомненно, собственную.

– Вот таким ты будешь, когда поднимешься на высшие ступени командования, – прошептал ему на ухо сержант. – Верно, ты хотел бы примерить мундир? Портной!

Билл разинул было рот, чтобы протестовать, но сержант тут же воткнул в него чудовищных размеров сигару, и прежде чем Билл успел ее вынуть, подкатился на резиновых колесах робот-портной, обнял его рукой-ширмой и мигом раздел догола.

– Эй-эй! – пролепетал ошарашенный Билл.

– Это совсем не больно, – заверил его сержант, просовывая за ширму свою большую голову. Он довольно оглядел мускулистое тело Билла, ткнул пальцем в солнечное сплетение (скала!) и ретировался.

– Ай! – сказал Билл, когда портной, снимая мерку, уколол его холодной линейкой.

Через минуту в бочкообразном брюхе робота заскрежетало, и из прорези на груди полез восхитительный красный мундир. В мгновение ока он оказался на Билле, золотые пуговицы застегнулись. Затем пришла очередь парадных бриджей и сверкающих лаком черных сапог. Ошеломленный Билл даже пошатнулся, когда ширма исчезла, а вместо нее появилось большое самоходное зеркало.

– Женщины прямо-таки голову теряют при виде мундира, – сообщил сержант. – И немудрено!

Билл снова увидел перед собой идеально круглые ягодички Инги-Марии Калифигии, глаза его на миг затуманились, а очнувшись, он обнаружил в своей руке перо и какой-то бланк, услужливо предложенный сержантом.

– Нет! – заявил он, удивляясь собственной твердости. – Не подпишу! Оператор механического навозоразбрасывателя, и все тут!

– Прекрасный мундир и подъемные! Да еще доктор тебя осмотрит совершенно бесплатно! И вдобавок ко всему ты получишь красивые медали! – Сержант открыл плоскую коробочку, поданную роботом. – Вот, например, – сказал он торжественно и приколот к груди Билла нечто напоминающее маленькое, инкрустированное бриллиантами облачко. – Почетный орден храброго новобранца... А вот – Имперский позолоченный поздравительный рог... Звездный крест победителя... Честь и слава матерям polegших героев... Ну и Вечный рог изобилия – если честно, порядочная ерунда, но выглядит внушительно, и в нем можно хранить презервативы.

Он отступил на шаг, чтобы полюбоваться Биллом, украшенным ленточками, побрякушками и блестящими стеклышками.

– Но я... Не-ет! Спасибо за честь, но...

Сержант, готовый к куда более активному сопротивлению, только усмехнулся и нажал кнопку у себя на поясе. Кнопка эта приводила в действие гипнотическую иглу, вмонтированную в подметку сапога новобранца. Неодолимый импульс пронзил Билла... И через мгновение он осознал, что уже поставил свою подпись на листе.

– Но...

– Добро пожаловать в космическую пехоту, парень! – заорал сержант, смачно похлопывая его по спине (скала!) и вытаскивая авторучку из судорожно сжатых пальцев. – Становись! – заорал он еще громче, и солдаты стали выскакивать из бара.

– Что вы сделали с моим сыном?!

С душераздирающим воплем на площадь выбежала мать Билла, одной рукой придерживая объемистый бюст, другой волоча за собой младшего брата Билла, маленького Чарли. Чарли разревелся и замочил штанишки.

– Ваш сын стал солдатом во славу императора! – отрезал сержант и принялся строить в шеренгу сутулых, вислогубых рекрутов.

– Нет! Не имеете права! – В отчаянии мать рвала на себе волосы. – Я бедная вдова. Билл – мой единственный кормилец, он...

– Мама! – вскричал Билл, но сержант запихнул его обратно в строй.

– Мужайтесь, мадам! Нет выше чести для матери... – Он сунул ей в руку большую свежечеканенную монету. – Это подъемные – целый новехонький имперский шиллинг. Знаю, его величество рад, что вы его получили... Смир-рно!

Новобранцы неуклюже щелкнули каблуками, расправили плечи и выпятили грудь. К немалому своему удивлению, то же проделал и Билл.

– Напра-во!

Подчиняясь импульсам гипнотических игл, скрытых в подметках сапог, рекруты в едином движении выполнили приказ.

– Шагом... арш!

Колонна тронулась с места. Контроль был столь жесток, что Билл, как ни старался, не мог даже повернуть головы, чтобы попрощаться с матерью. Та отстала, и лишь последний отчаянный вопль донесся, перекрыв грохот солдатских сапог.

– Сто тридцать шагов в минуту! – скомандовал сержант, поглядев на хронометр, вмонтированный под ноготь мизинца. – До посадочной площадки всего десять миль; ночевать будем в лагере!

Задающий темп робот настроил метроном, ноги зачастили, солдаты взмокли. К посадочной площадке подошли в сумерках. Мундиры из красной бумаги висели клочьями, позолота с оловянных пуговиц слезла, отслоилась пленка, защищавшая от пыли сапоги из эрзац-кожи. Грязные измотанные новобранцы чувствовали себя в точности так, как выглядели.

2

На рассвете Билла разбудил не задорный сигнал горниста, а удар ультразвука, от которого сперва затрясся железный каркас его койки, а потом и он сам – причем с такой силой, что из зубов повываливались все пломбы. Билл вскочил на ноги. Стояло лето, и пол в казарме специально охлаждался – в учебно-тренировочном лагере имени Льва Троцкого новобранцев баловать не собирались. Бледные, как привидения, заспанные и озябшие рекруты повскакивали с коек. Выворачивающая внутренности вибрация вскоре прекратилась. Новобранцы поспешно натянули бесформенные комбинезоны из наждачной бумаги, вколотили ноги в огромные красные башмаки и высыпали наружу, под серое предутреннее небо.

– Я здесь затем, чтобы сломить ваш дух! – объявил им жесткий голос. – Понятно?

Они подняли головы и, увидев владыку этого ада, затряслись пуше прежнего.

Старший сержант Сгинь Сдохни был специалистом в полном смысле этого слова – от кончиков остриженных ежиком волос до шипастых подметок начищенных до зеркального блеска сапог. Был он широкоплеч и сухопар, длинные руки будто у какого-то жуткого антропоида свисали ниже колен, а костяшки пальцев на громадном кулачище покрывали бесчисленные мозоли от тысяч зуботычин. Глядя на это порождение ада, нелегко было представить, что появился он на свет из нежного материнского чрева. Нет, не мог Сдохни *родиться*; подобных ему наверняка изготавливают по особым правительственным заказам.

Особо страшное впечатление производила его голова. Одно лицо чего стоило! Узенькая, в палец, полоска лба отделяла щеточку волос от кустистых бровей, нависавших густыми зарослями над черными провалами глаз, о присутствии которых свидетельствовали только красноватые зловещие огоньки в непроницаемом мраке глазниц. Сломанный, свернутый набок нос свисал надо ртом, очень напоминавшим ножевую рану в животе окоченелого покойника. Образ довершали торчавшие из-под верхней губы огромные острые клыки.

– Я старший сержант Сгинь Сдохни. Вы должны меня называть «сэр» и «господин», когда обращаетесь ко мне. – Сержант мрачно прошел вдоль шеренги испуганных новобранцев. – Я ваш отец, ваша мать, ваша вселенная и самый страшный враг. Вы еще пожалеете, что родились на этот свет! Я растопчу вашу волю. Когда я скамандую «Прыгай!», вы у меня будете прыгать! Моя задача – сделать из вас солдат, то есть научить дисциплине. Дисциплина – это отсутствие свободы воли, абсолютно беспрекословное повиновение и бездумное выполнение приказов. Большого от вас я не потребую!

Он остановился перед Биллом, который трясся вроде бы поменьше, чем остальные, и ухмыльнулся:

– Что-то не нравится мне твоя рожа. Месяц работы на кухне по воскресеньям!

– Сэр...

– И еще месяц за пререкания!

Билл мудро промолчал. Он уже усвоил первый урок курса молодого бойца: «Держи язык за зубами».

Сержант двинулся дальше.

– Сейчас вы просто жалкие куски штатского мяса в штанах, но я превращу это мясо в мускулы, из вашей воли сделаю студень, из ваших мозгов – машины. Или вы станете хорошими солдатами, или я сживу вас со света! Вы еще услышите обо мне всякие истории, например, как я убил и съел новобранца, отказавшегося выполнить мое приказание.

Он остановился и обвел глазами строй. Уголки вурдалачьих губ поползли вверх в дьявольском подобии улыбки. С кончиков выступавших клыков капала слюна.

– Эта история подлинная.

Ответом ему был единодушный стон. Шеренга новобранцев содрогнулась, словно под шквалом ледяного ветра. Улыбка исчезла с лица сержанта.

– Сейчас мы пойдем завтракать, но прежде мне нужны два-три добровольца на легкую работу. Кто из вас водит вертолет?

Двое новобранцев с надеждой подняли руки, и Сдохни велел им выйти вперед.

– Отлично, парни! Берите тряпки, ведра – и в сортир! Пока остальные будут лопать, вы немного приберете. Нагуляете аппетит к обеду.

Это был второй урок для Билла: «Никогда не вызывайся добровольцем».

Началась военная подготовка. Дни летели с отупляющей быстротой, и, как ни странно, с каждым днем новобранцам приходилось все хуже. Хотя, если подумать, иначе и быть не могло: об этом позаботилось много способных, изоощренных в садизме умов. Стригли рекрутов наголо, гениталии их красили в оранжевый цвет антисептиком. Еда была с теоретической точки зрения питательной, но на вкус ужасной. Когда по ошибке кусок мяса однажды подали в пригодном к употреблению виде, его тут же выловили из котла и выбросили на помойку, а повара разжаловали в посудомойки.

Среди ночи новобранцев поднимали по учебной тревоге воплем: «Внимание, газы!» – а свободное время занимала подготовка снаряжения. Седьмой день недели отводился для отдыха, но так как каждый успевал заработать какое-нибудь наказание, как, например, Билл, то воскресенье мало чем отличалось от будней.

Билл протиснулся сквозь перекрывающее вход слабое силовое поле, отрегулированное со столь изоощренной хитростью, что позволяло кусачим мухам проникать в барак, но наружу их не выпускало, поставил на пол задубелую от пота, грязи и кухонного жира куртку и достал из сундучка электробритву. После четырнадцатичасовой чистки картофеля ноги у него тряслись как в лихорадке, а руки, бледные и опухшие, напоминали конечности добротного вымоченного покойника. В сортире он долго искал участок относительно чистого зеркала. Все зеркала были покрыты вдохновенными надписями вроде: «Держи язык за зубами – чинджеры подслу-

шивают» или «Будешь много болтать – человек в зеркале пропал». В конце концов он сунул штепсель бритвы в розетку рядом с грозным вопросом: «Хочешь, чтобы твоя сестра вышла за чинджера?» – и всмотрелся в свое отражение. На него глядели налитые кровью, обведенные черными кругами глаза.

Больше минуты Билл елозил жужжащей машинкой по запавшим щекам, прежде чем смысл вопроса дошел до его отупевшего от усталости сознания.

– Нет у меня сестры, – буркнул он сварливо. – А если бы и была, на кой черт ей выходить замуж за ящерицу?

Вопрос был чисто риторический. Однако с противоположного конца помещения, а точнее, из последней кабинки во втором ряду донесся неожиданный ответ:

– Не следует понимать все буквально. Цель лозунга – будить в нас непримиримую ненависть к врагу.

Убежденный, что он в сортире один, Билл подскочил как ужаленный. Бритва взвизгнула со злобным удовлетворением и отхватила клочок губы.

– Кто здесь?! Почему прячешься?

Только сейчас он заметил груды башмаков, сваленных в дальнем углу, и склонившуюся над ней темную фигуру.

– А, это ты, Усер...

Гнев его сразу прошел, и Билл вновь повернулся к зеркалу.

Усердный Прилежник был столь неотъемлемой частью сортира, что его присутствие там просто не замечалось. Этот юноша с круглым, как полная луна, лицом, вечно румяными щеками и с неизменной улыбкой на лоснящейся физиономии так мало подходил к обстановке в учебном лагере имени Льва Троцкого, что первым порывом каждого новобранца было разорвать его на куски. Наверное, так бы и случилось, если бы Усер был в своем уме: только сущий придурок мог так охотно брать на себя работу товарищей и добровольно вызваться постоянно дежурить по сортиру. Мало того, он просто обожал драить башмаки и предлагал свои услуги по очереди всем рекрутам, так что теперь превратился в бессменного чистильщика. Когда взвод расходился по баракам, Усер располагался в своем царстве стульчаков и приступал к развитой уже почти до промышленных масштабов деятельности, с радостной улыбкой орудуя щетками. Гасли лампы, но он продолжал работу при свете горящего в баночке из-под гуталина фитилька, и побудка заставляла его на обычном месте с удовлетворенным видом человека, закончившего очень важное дело. А когда башмаки бывали особенно грязными, Усер вообще не ложился спать. Шариков у него явно не хватало, но его не трогали: ведь он взвалил на плечи кошмарную обузу. Более того, парни буквально молились, чтобы Усер не протянул ноги от истощения, прежде чем кончится курс начальной военной подготовки.

– Если смысл только в этом, то почему бы просто не написать: «Возненавидь врага своего!» – удивился Билл и указал пальцем на противоположную стенку, где висел плакат под шапкой «Вот твой враг!». На плакате был изображен чинджер в натуральную величину – ящерицеобразное существо семи футов ростом, смахивающее на покрытого чешуей четверорукого земного кенгуру с крокодильей головой. – А потом – чья же сестра пожелает выйти замуж за такое страшилище? И что оно после свадьбы делало бы с этой сестрой? Разве что сожрало бы ее...

Усер как раз закончил полировать один красный башмак и взялся за следующий. Он нахмурил брови, чтобы показать, что в его черепе идут сложные мыслительные процессы, и изрек:

– Ну, видишь ли, никто не имеет в виду настоящую сестру. Это всего лишь пропагандистский трюк. Мы должны выиграть войну, а для этого должны драться как черти. Но чтобы драться как черти, солдаты должны быть хорошими солдатами, а хорошие солдаты должны ненавидеть врага. Так оно и идет. Чинджеры – единственная известная нам негуманоидная

раса, построившая машинную цивилизацию, поэтому само собой разумеется, что мы должны стереть их в порошок.

– С какой это стати «разумеется»? Не желаю я никого стирать в порошок! Единственное, чего я хочу, – так это вернуться домой и стать оператором механического навозоразбрасывателя!

– Ну я же не имел в виду конкретно тебя. – Усер открыл новую банку багряной ваксы и запустил в нее палец точно такого же цвета. – Я имел в виду человечество вообще. Если мы их не сотрем – они нас сотрут! Правда, чинджеры утверждают, будто война противоречит их религиозным убеждениям и дерутся они только потому, что вынуждены обороняться. В этом что-то есть, так как они никогда не нападают первыми. Но вдруг им однажды придет в голову сменить религию? Хорошенький же вид тогда у нас будет! Лучше всего истребить их сейчас, пока еще не поздно!

Билл выключил бритву и ополоснул лицо тепловатой ржавой водой.

– Все равно что-то здесь не сходится. Ладно, пускай сестра, которой у меня нет, не путается с чинджером. Но какой смысл, например, в этом? – Он ткнул пальцем в надпись над стульчаком: «Воду спускай, о враге не забывай!» – Или в этом? – Плакат под писсуаром взывал: «Застегни ширинку, охламон, за тобой следит шпион!» – Дело не в том, что в лагере нет самого завалящего секрета, ради которого стоило бы пройти хоть милю, не говоря уж о двадцати пяти световых годах, но как чинджер может быть шпионом? Разве загримируешь семифутовую ящерицу под рекрута? Сомневаюсь даже, что ей удастся прикинуться сержантом Сдохни, даром что он вылитый чинджер...

Свет внезапно погас, и старший сержант Сгинь Сдохни, как вурдалак, являющийся из преисподней, стоило только назвать его имя, хрипло заорал:

– По койкам! По койкам, паршивые недоумки! Война идет, а им все хаханьки!

В темноте, озаренной лишь красноватым свечением глаз сержанта, Билл с трудом отыскал свой топчан. Заснул он, едва голова успела коснуться подушки, словно отлитой из какого-то кремнийуглеродистого сплава, и, как ему показалось, минутой позже вскочил на ноги, выброшенный из постели ударной волной побудки. За завтраком, когда Билл в поте лица резал эрзац-кофе на кусочки такой величины, чтобы их можно было безболезненно проглотить, телевидение передало сообщение о тяжелых, кровопролитных боях в секторе Беты Лиры. По столовой пронесся горький стон, вызванный отнюдь не избытком патриотизма, а тем фактом, что любые вести подобного рода могли привести только к ухудшению положения рекрутов. Они не имели понятия, каким образом, но были убеждены, что так и случится. И совершенно справедливо.

Так как утро выдалось прохладнее обычного, парад, обычно проводимый в понедельник, перенесли на полуденные часы, чтобы железобетонные плиты на плацу успели хорошенько раскалиться и обеспечить максимальное количество обмороков и тепловых ударов. Билл, вытянувшись по стойке смирно в одном из последних рядов строя, заметил, что над почетной трибуной натянут шатер с кондиционированием. Могло это означать только одно: приедет какая-то важная шишка.

В бок впивалась предохранительная скоба атомной винтовки, с носа капал пот, но краешком глаза Билл наблюдал, как поминутно то здесь, то там валяются снопами новобранцы и их товарищи поспешно отволакивают бесчувственные тела к стоящим наготове санитарным машинам. Бедняг укладывали в тень, а когда они приходили в сознание, отправляли обратно в строй.

Оркестр грянул марш «Звездные роты – чинджерам каюк!», скрытые в подметках иглы послали гипнотические импульсы, и в один миг тысячи атомных ружей сверкнули на солнце. Штабной автомобиль – две звезды на дверцах – подкатил к трибуне, маленькая круглая фигурка быстрым шагом одолела раскаленный, как печка, плац и исчезла в шатре с конди-

онированием. Биллу еще не приходилось видеть генерала живьем, во всяком случае спереди. Как-то поздно ночью, возвращаясь из наряда по кухне мимо офицерского клуба, он заметил сажающегося в машину генерала. Но длилось это лишь мгновение, да и генерал виден был только со спины. Таким образом, этот высокий чин ассоциировался у Билла с необъятной задницей, наложенной на крохотную муравьиную фигурку. Впрочем, столь же смутное представление имел Билл и о других офицерах: обычно новобранцы не сталкивались с командным составом. Лишь однажды у канцелярии он хорошенько разглядел какого-то второго лейтенанта и с некоторым удивлением обнаружил, что у того, оказывается, есть лицо. И еще был военврач, который читал им лекцию о венерических заболеваниях, но Биллу, по счастью, досталось место за колонной, и он, усевшись, сразу же заснул.

Оркестр наконец выдохся, зато над строем всплыли антигравитационные громкоговорители, и плац содрогнулся от раскатов генеральского голоса. В речи этой ничего, что могло бы заинтересовать солдат, не было, и закончил ее генерал заявлением, что в связи с тяжелыми потерями на фронте срок их обучения будет значительно сокращен. Эти слова только подтвердили их ожидания. Затем под гром оркестра рекрутов отвели в казарму, где они переоделись в полевую форму, и ускоренным маршем отправили на стрельбище; в связи с сокращением сроков обучения им предстояло расстрелять вдвое больше патронов, чем обычно, по пластиковым чинджерам.

Новобранцы палили из винтовок, как бог на душу положит, пока вдруг среди мишеней не возник Сгинь Сдохни. Каждый тут же перевел оружие на автоматический огонь и со снайперской меткостью всадил в сержанта всю обойму – явление, безусловно, необычное и очень редкое. Однако, когда дым рассеялся, радостные возгласы сменились тоскливыми всхлипываниями, так как оказалось, что это была всего лишь пластиковая кукла, теперь разнесенная в клочья. В довершение откуда ни возьмись появился оригинал, заскрипел клыками и вlepил всем по месяцу нарядов на кухне вне очереди.

– Отличная штука – человеческое тело, – заявил Задница Браун месяцем позже, жуя в клубе для низших чинов сосиску из субпродуктов в пластиковой оболочке и запивая ее теплым водянистым пивом. Задница Браун на гражданке пас коров, потому-то его и называли Задницей – ведь всякий знает, что проделывают пастухи со своими милашками. Был он обожжен солнцем, как старый ремень, долговяз и кривоног. Немногословности его научила работа на травянистых равнинах, где тишину нарушали лишь вопли напуганной чем-то коровки. Зато это был великий мыслитель, ибо времени для размышлений у него было хоть отбавляй. Задница Браун мог целыми днями, неделями вынашивать некую мысль, пока не приходил к решению, что она достаточно созрела и достойна огласки. И все это время ничто не могло его вывести из состояния задумчивости. Он даже не протестовал против своей клички, хотя любой другой на его месте как пить дать врезал бы обидчику по физиономии.

Билл, Усер и другие сидящие за столом солдаты засмеялись и стали хлопать в ладоши, как всегда, когда Задница что-нибудь изрекал.

– Валяй дальше, Задница!

– Э, да он говорить умеет!

– Ну так почему же тело – отличная штука?

Все замерли в ожидании ответа, пока Задница силился откусить от сосиски. Наконец ему это удалось. После тщательных попыток ее прожевать Задница глотнул, вытер проступившие слезы и сделал шумный глоток пива.

– Человеческое тело – отличная штука, потому что живет, пока не помрет.

Солдаты ждали продолжения, а когда поняли, что это все, восторженно закричали:

– Ну ты, Задница, и даешь!

– Умник чертов!

– Да, но что это значит?

Билл знал, что это значит, однако решил промолчать. В их подразделении в строю осталась лишь половина списочного состава. Одного перевели, остальные попали в госпиталь или в психушку, или были уволены по инвалидности, или были мертвы. Оставшиеся в живых сперва похудели так, что кожа висела на ребрах, затем набрали вес за счет мускулов и теперь были великолепно приспособлены к порядкам, царившим в лагере имени Льва Троцкого. Что ни в малейшей степени не меняло того факта, что и сам лагерь, и царившие в нем порядки они ненавидели всеми фибрами своей души. Билла эффективность такой системы просто поражала. Штатские морочат себе голову всякими глупостями вроде экзаменов, оценок, ученых званий и степеней и тысячами других условностей, а здесь – как сказочно просто! Слабые вымирают, но уж выжившие приспособлены ко всему. Такую систему следовало уважать, несмотря на всю питаемую к ней ненависть.

– Что мне нужно, так это бабу, – вздохнул Страшила.

– Кончай похабничать, – оборвал его Билл, воспитанный в строгих правилах пуританской морали.

– Кто похабничает?! – возмутился Страшила. – Разве я сказал, что хочу остаться на сверхсрочную или что Сдохни – тоже человек? Я сказал, что мне нужна баба, только и всего. А вам что, она не нужна?

– Выпивка мне нужна. – Задница Браун хлебнул пива, которое производили из порошка-концентрата, содрогнулся и выплюнул его на бетонный пол. Оно тут же испарилось.

– Ну да, ну да! – Страшила энергично мотнул головой. – Бабу, а потом выпить. Что еще нужно новобранцу в увольнении?

Все на некоторое время погрузились в размышления, но в голову и в самом деле ничего не приходило. Только Усер выглянул из-под стола, где тайком надраивал чей-то башмак, и заявил, что не помешало бы побольше ваксы, но на него не обратили внимания. Билл, как ни старался, не мог представить ничего иного, кроме этих взаимосвязанных вещей. Хотя припоминал смутно, что на гражданке у него случались другие желания, но вот какие именно...

– Да ладно вам, – донеслось из-под стола. – До отпуска осталось только семь недель...

Усер не договорил, получив от каждого из сидящих по крепкому пинку.

Хотя в соответствии с их субъективными ощущениями время едва тащилось, сохраняющие полную объективность часы отмеряли его неустанно, и вот наконец одна за другой миновали эти недели – несомненно, самые длинные из всех длинных недель. В течение этого срока на что на что, а на недостаток занятий они пожаловаться не могли: штыковой бой, стрельба из ручного и автоматического оружия, чистка того и другого, ориентирование на местности, строевая подготовка, хоровое пение и в довершение – военное законодательство. Лекции по последнему предмету с беспощадной регулярностью читали дважды в неделю, изощренно вызывая непреодолимую сонливость. Как только из динамиков магнитофона раздавались первые идеально монотонные скрипучие слова, солдаты начинали клевать носом. Каждое место в аудитории было подключено к электроцефалографу, регистрирующему биотоки рекрутов. Стоило кривой альфа-ритма только намекнуть на то, что кто-то из слушателей задремал, незамедлительно в ягодицу несчастного посылался мощный импульс электрического тока, столь же болезненный, сколь эффективный для прерывания сна. Никогда не проветриваемая аудитория напоминала погруженную во тьму камеру пыток, заполненную монотонным бормотанием магнитофонного лектора над морем сонно покачивающихся голов; бубнящий голос время от времени заглушали вопли неожиданно подключенного к сети горемыки-обучаемого.

Бесконечное перечисление жестоких наказаний и приговоров, грозящих за самые пустяковые провинности, никого особенно не тревожило. Все прекрасно понимали, что, завербовавшись, они отказались от каких бы то ни было человеческих прав, и подробное перечисление

того, чего рекруты лишились, нисколько больше их не занимало. Другое дело – подсчет часов, отделяющих их от первого отпуска.

Ритуал вручения этой чрезвычайно редкой и столь желанной награды был необыкновенно унижен, но ведь ничего иного новобранцы и не ожидали, и, опустив головы, они стояли в очереди, готовые обменять остатки самоуважения на кусок помятой фольги. Наконец церемония закончилась, и тут же разгорелось сражение за место в монорельсовом поезде, курсирующем между лагерем имени Льва Троцкого и небольшим сельскохозяйственным городишком Лейвилем. Линия была проложена по эстакаде, вознесенной на столбы, всегда находилась под напряжением и шла над тридцатифутовым забором из колючей проволоки, а затем над окружающим лагерь поясом зыбучих песков.

Говоря точнее, Лейвиль был сельскохозяйственным городишком до того, как по соседству построили лагерь имени Льва Троцкого. С тех пор сельским хозяйством занимались здесь лишь урывками – когда солдаты находились на занятиях. Остальное время магазины и склады были заперты на замок, зато полным ходом шла торговля в кабаках и разнообразнейших увеселительных заведениях. Впрочем, зачастую лавки и эти греющие душу солдата места располагались под одной крышей. Достаточно было потянуть специальный рычаг, и мучные лари превращались в кровати, торговки – в сводниц, и только кассы сохраняли свои первоначальные функции, хотя цены значительно увеличивались.

В одно из таких заведений – наполовину похоронное бюро, наполовину распивочная – и заглянули Билл с приятелями.

– Что подать, ребята? – с профессиональной улыбкой поспешил им навстречу хозяин бара «Вечный покой».

– Двойную порцию жидкости для бальзамирования, – потребовал Задница Браун.

– Только без дурацких шуточек, не то вызову жандармерию, – предупредил уже без улыбки хозяин и достал бутылку с крикливой этикеткой «Настоящее виски», не очень аккуратно наклеенной поверх другой, на которой значилось: «Жидкость для бальзамирования». Но стоило деньгам зазвенеть о стойку – и улыбка вернулась. – Милости прошу, господа.

Они уселись за длинный узкий стол с медными ручками по бокам и с наслаждением позволили этиловому спирту прополоскать их запыленные глотки.

– До армии я этого не пробовал, – заметил Билл, осушив стаканчик «Старого палача почек», и протянул руку за новой порцией.

– Потому что не нуждался в выпивке, – пояснил, наливая, Страшила.

– Точно, – согласился Задница Браун, причмокивая и поднося к губам бутылку.

– Э-э... – проблеял Усер, неуверенно отхлебывая глоточек. – Вкус как у смеси сахара, опилок, разных сложных эфиров и нескольких высших спиртов.

– Пей, пей, – неразборчиво произнес Задница Браун, не отнимая ото рта бутылки. – Полезно для здоровья!

– А теперь – по бабам! – скомандовал Страшила, и вмиг в дверях началась свалка – каждый, желая опередить другого, пытался прорваться наружу.

– Смотрите! – раздался вдруг чей-то возглас, и все обернулись.

Усер невозмутимо сидел за столом.

– Бабы! – с энтузиазмом воскликнул Страшила тем самым тоном, каким хозяин подзывает пса к миске с похлебкой.

Сгрудившиеся в дверях сатиры заволновались и забили копытами. Усер и ухом не повел.

– Э-э... я, пожалуй, подожду вас здесь, – сказал он с еще более простодушной улыбкой, чем обычно. – А вы идите, ребята, идите!

– Ты болен, Усер?

– Э-э... Вроде нет.

– Что, еще не достиг половой зрелости?

– Э-э...

– Да что тебе здесь делать?!

Усер вытащил из-под стола увесистый мешок и раскрыл его. Он был доверху набит красными солдатскими башмаками.

– Думал, почищу немного, а то не успеваю.

Они молча шли по деревянной мостовой.

– Что это с ним? – спросил наконец Билл, но ответа не последовало. Все всматривались вперед – там красноватым соблазнительным огнем сверкала неоновая вывеска: «Приют космонавта. Стриптиз без антрактов. Лучшие напитки. Номера для гостей и их знакомых».

Они ускорили шаг. Фасад «Приюта» украшали витрины из бронестекла; в витринах красовались трехмерные фотографии одетых (браслет и две звездочки) и раздетых (без браслета и звездочек) танцовщиц. Приятели Билла подозрительно засопели, но Билл положил конец их воодушевлению, указав на маленькую, едва заметную среди выпирающих из витрин табличку: «Только для офицеров!»

– Проходите, проходите! – рявкнул стоявший у входа жандарм, помахивая электрической дубинкой. И они покорно побрели дальше.

В следующее заведение пускали без ограничений, но за плату в семьдесят семь кредитов с носа, то есть несколько больше, чем было у них у всех, вместе взятых. Потом снова пошли таблички «Только для офицеров»... Но вот мостовая кончилась, и огни остались позади.

– А это что? – удивился Страшила, заслышав доносившийся из ближайшего темного переулка гомон голосов. Он присмотрелся и обнаружил длинную, исчезающую за углом очередь солдат.

– Что это здесь? – спросил Страшила последнего в очереди.

– Бордель для нижних чинов. Только не пытайся пролезть по нахалке, жопа. Будешь за мной.

Они тут же выстроились в затылок. Билл оказался замыкающим, но вскоре подоспели другие страждущие. Ночь была холодная, и он время от времени подстегивал происходящие в теле жизненные процессы добрым плотком из своей бутылки. Разговоров было немного, да и те стихали по мере приближения к освещенному красным фонарем входу. Дверь регулярно открывалась и закрывалась, коллеги Билла один за другим исчезали за ней. Наконец подошла и его очередь. Дверь начала открываться, Билл шагнул вперед, но тут завывли сирены, и здоровенный жандарм преградил дорогу чудовищным брюхом.

– Боевая тревога! – рявкнул он. – Марш в лагерь!

Со сдавленным воплем человека, обманутого в лучших ожиданиях, Билл ринулся напролом, но прикосновение электрической дубинки отшвырнуло его, оглушенного, прочь. Билла подхватила волна бегущих. Сирены выли без умолку, в небе запыхал стомильными буквами огненный призыв «К ОРУЖИЮ!».

Билл споткнулся, кто-то подхватил его под руку, спасая от опасности быть растоптанным. Это был Страшила – с такой блаженной улыбкой, что Билл не выдержал и замахнулся, чтобы треснуть его по счастливой роже. Но не успел: они уже оказались в вагоне, который с головокружительной скоростью помчался в лагерь. Билл забыл о своем гневе, когда кривые когти сержанта Сгинь Сдохни выдернули его из толпы.

– Паковать манатки! – заскрипел клыками сержант. – Грузиться!

– Этого нельзя делать, сэр, еще не закончен курс обучения!

– Можно, можно! Обычно так и делается! Мы победоносно завершили величайшую в истории космическую битву. Свыше четырех миллионов убитых плюс-минус сто тысяч. Нужно пополнение, а это вы. На борт! Немедленно, а то и еще быстрее!

– Но у нас нет скафандров!..

– Интенданты уже отправлены!

– Запасы продовольствия...

– Повара отправлены вместе с кухнями! По тревоге вспомогательный персонал отправляется в первую очередь. В разведку боем. На смерть. – Сержант обнажил клыки в леденящей душу улыбке. – А я в полной безопасности остаюсь дрессировать ваших приемников.

Из отверстия пневмопочты выскочила капсула. Сдохни вскрыл ее, прочитал сообщение, и улыбка медленно сползла с его лица.

– Меня тоже отправляют, – глухо проронил он.

3

За время существования лагеря имени Льва Троцкого обучение прошли 89 672 899 новобранцев, так что процесс отправки был отработан на славу и шел без сучка без задоринки, хоть на этот раз и носил характер самоуничтожения – так змея пожирает собственный хвост.

Билл с товарищами оказались в последней группе. Змея, поглотив себя полностью, начала самоперевариваться. Едва с солдат сняли чуть отросшие волосы и затолкали в ультразвуковую вошебойню, как парикмахеры набросились друг на друга и в вихре размахивающих ножницами рук, клочьев волос, остатков усов и брызг крови оболванили всех подчистую, а затем бросились в освободившуюся дезкамеру, прихватив с собой и обслуживающего ее техника. Фельдшеры вкатили друг другу сыворотку против ракетной лихорадки и космической хандры, писари выдали сами себе аттестаты, ответственные за погрузку пинками загоняли друг друга в поджидающие космические челноки. Взрели реактивные двигатели, столбы пламени ударили в стартовые платформы, уничтожая их оборудование в великолепном фейерверке, ибо обслуживающий персонал также находился уже на борту взлетающих челноков. Возносимые чудовищным громом корабли исчезли в ночном небе, оставляя под собой опустевший лагерь. Ветер принялся срывать со щитов приказы и списки наказанных новобранцев, разгоняя обрывки по пустынным улицам, чтобы в конце концов прилепить их к сотрясающимся от оглушительного шума, освещенным изнутри окнам офицерского клуба.

Там полным ходом шла грандиозная попойка, прерываемая, однако, горькими жалобами: офицерам пришлось перейти на самообслуживание.

А космические челноки мчались тем временем все выше и выше, направляясь к огромному флоту космических крейсеров, столь многочисленному, что он заслонял собой звездное небо, и столь новому, что некоторые корабли еще только достраивались. Ослепительно сверкали точки сварочных огоньков, раскаленные заклепки, подобно трассирующим пулям, очередями вонзались в подготовленные для них отверстия. Огоньки гасли, показывая, что еще один левиафан космоса готов, и тогда в радиотелефонах раздавались истошные крики монтажников, ибо рабочих, вместо того чтобы вернуть на верфи, насильно зачисляли в команды построенных ими же кораблей. Война была тотальной.

Билл пролез сквозь пластиковую трубу, связывающую космический челнок с межзвездным дредноутом, и бросил вещмешок к ногам старшего сержанта, который сидел за столом в шлюзе, размерами напоминающем ангар. Правильнее сказать – попытался бросить, потому что сила тяжести отсутствовала и мешок так и повис в воздухе. Тогда он толкнул его к полу, но вместо этого сам взлетел под потолок. (Всякое падающее тело находится в состоянии свободного падения, и все имеющее вес в этом случае невесомо, а для каждого действия существует равное ему, однако противоположенное противодействие... Или что-то в этом роде.) Сержант посмотрел на Билла, заворчал неразборчиво и стянул его вниз.

– Не прикидывайся сухопутной крысой, парень. Имя?

– Билл, через два «л».

– Хватит с тебя и одного, – буркнул сержант, лизнул кончик пера и вывел в реестре округленными каракулями едва выучившегося грамоте человека: «Билл». – Два «л» положены только офицерам, олух несчастный. Знай свое место. Класс, специальность?

– Рядовой, необученный, без специальности, сейчас буду блевать...

– Не здесь – для этого дела есть кубрик. Теперь ты – предохранительный шестого класса. Твое место номер тридцать четыре «жэ» восемьдесят девять «тэ» ноль-ноль один. Топай и держи пакет поближе к пасти!

Едва Билл отыскал определенный ему кубрик и бросил на койку мешок, который сразу повис в пяти дюймах от привычного матраса, набитого окаменелой шерстью, как в тесное помещение ввалился Усердный Прилежник. За ним следовали Задница Браун и целая толпа совершенно незнакомых Биллу людей. Кое у кого из них были сварочные аппараты, а на лицах написано бешенство.

– А где Страшила и остальные? – поинтересовался Билл.

Задница Браун пожал плечами и пристегнулся к койке – хоть немного вздремнуть. Усерд раскрыл один из шести огромных мешков, которые он приволок с собой, и достал несколько пар нуждающихся в чистке башмаков.

– Спасен ли ты? – спросил глубокий проникновенный голос из дальнего угла кубрика.

Билл в изумлении поднял глаза. Геркулесового сложения солдат заметил заинтересованность Билла и вытянул в его направлении грозный палец:

– Спасен ли ты, брат мой?

– Трудно сказать, – буркнул Билл и принялся с озабоченным видом рыться в своем узелке, надеясь, что на этом разговор завершится.

Но не тут-то было: солдат подошел к Биллу и уселся на его койку. Билл старался не обращать на него внимания, но это ему плохо удавалось, ибо сей индивид ростом был куда выше шести футов и отличался исключительно развитой мускулатурой и литым подбородком. Черная кожа с багряным оттенком пробудила в Билле что-то вроде зависти, потому что его собственная была серовато-розовая. Так как на корабле их нарядили в черные мундиры, солдат казался выточенным из цельного куска черного дерева. Ослепительно-белая улыбка и пронизательный взгляд придавали ему весьма эффектный вид.

– Добро пожаловать на борт «Фанни Хилл», – произнес он, в дружеском рукопожатии дробя суставы Билла. – Эта гранд-дама нашего флота уже больше недели как вступила в строй. Я – его преподобие предохранительный шестого класса Тэмбо. По ярлыку на твоём вещмешке вижу, что тебя зовут Билл, и раз уж мы с тобой товарищи по оружию, зови меня просто Тэмбо, а вообще-то, как у тебя с душой?

– Честно говоря, в последнее время у меня не было возможности об этом задуматься...

– Естественно! Ведь за визит к священнику в учебном лагере полагается трибунал. Но это уже позади, и теперь у тебя есть шанс спасти свою душу. Скажи мне, какого ты вероисповедания?

– Я из семьи зороастрийцев-старообрядцев, так что, полагаю...

– Суеверие, дружище, чистой воды суеверие. Благая десница судьбы свела нас на этом корабле – знак, что тебе не поздно еще уберечь душу от геенны огненной. О Земле когда-нибудь слышал?

– Нет, я привык к простой пище...

– Это название планеты, мой мальчик. Земля – колыбель человечества, старая добрая родина, общая для всех. Только взгляни, какой это зеленый, прекрасный мир, воистину жемчужина Вселенной.

Тэмбо вынул из кармана миниатюрный проектор, и у изголовья койки возникло трехмерное цветное изображение окутанной белыми облаками планеты, величественно вращающейся среди черной бездны. Вдруг ударила красная молния, облака закипели, а на поверхности пла-

неты раскрылись зияющие раны. Из громкоговорителя величиной с булавочную головку раздался раскатистый громовой звук.

– Вспыхнула война меж сынами человеческими, и до тех пор разили они друг друга атомными ударами, пока не возопила Земля и не настала страшная гибель. А когда угасли последние молнии, смерть была на севере, и на востоке, и на западе. Смерть, смерть, смерть! Понимаешь ли ты, что это значит?

Преисполненный глубокого чувства голос Тэмбо дрогнул и осекся на полутоне, будто он и впрямь ждал ответа на этот чисто риторический вопрос.

– Не совсем, – пробормотал Билл, копаясь без всякой надобности в своем мешке. – Я с Фигеринадона-два, у нас все спокойно...

– Смерти не было только на юге! А почему, вопрошаю я? А потому, что волею Самеди исчезли с лица планеты лжепророки, ложные религии и фальшивые боги. На Земле воцарилась единственно истинная вера – Первая реформистская церковь вуду...

Тут раздался сигнал боевой тревоги – пронзительный свист столь коварно подобранной частоты, что солдатам начало казаться, будто их головы внезапно очутились внутри громадного раскачиваемого колокола, от каждого удара которого глаза вылезают из орбит и глядят в разные стороны.

Все высыпали в коридор. Здесь было потише, но легче не стало: их поджидали унтер-офицеры, призванные разогнать солдат по местам в соответствии с боевым расписанием. Следом за Усером Билл вскарабкался по густо смазанной солидолом лестнице в предохранительную. Его взгляду открылись бесконечные, казалось, ряды этих необычайно важных устройств. Сверху к каждому предохранителю крепился толстый кабель, другой его конец исчезал где-то под потолком. В полу, на равном расстоянии друг от друга, виднелись отверстия диаметром около фута.

– Для начала буду краток: первого, кто пикнет, собственноручно спущу головой вперед в эту предохранодыру.

Грязный от смазки палец указал на одно из зияющих отверстий. Говорил их новый командир – приземистый, помассивней и пошире в поясе, чем сержант Сдохни, но все равно сходство было разительное.

– Я – предохранительный первого класса Сплин. Слушайте, жалкие сухопутные жуки-навозники: или я сделаю из вас прекрасно вышколенных, лихих и опытных предохранительных, или спущу всех по очереди в предохранодыры. Наша работа требует высочайшей квалификации, и в обычных условиях на подготовку хорошего специалиста уходит год, но в военное лихолетье вам придется обучиться этому сейчас же, без всякого промедления. Показываю. Тэмбо, выйти из строя! Ряд двадцать девять «же»-девять, он отключен от сети.

Тэмбо щелкнул каблуками и встал по стойке смирно перед рядом белых керамических цилиндров с металлическими колпачками около фута в диаметре и весом в девяносто фунтов. Каждый цилиндр опоясывала красная полоска. Сплин постучал по полоске ногтем.

– Такой красный поясok есть на всех предохранителях. Называется он «поясок предохранителя» и имеет красный цвет. Стоит предохранитель перегреть, как поясok чернеет. Я не требую, чтобы вы сразу запомнили, но это записано в инструкции, и прежде чем я с вами закончу, придется вам это зазубрить, не то пеняйте на себя... Сейчас я покажу, что следует делать с перегоревшим предохранителем. Тэмбо, этот предохранитель перегорел. И-и... раз!

– Ух! – ухнул Тэмбо, хватая предохранитель в охапку. – Ух! – ухнул он снова, выдергивая его из зажимов. – Ух! – И спустил его в ближайшее отверстие. Потом, ухая, схватил со стеллажа запасной, ухая, поставил его на место перегоревшего и с заключительным «ух!» принял исходное положение.

– Вот так это делается, раз-два, по-военному, и вам придется научиться, не то...

Послышалось приглушенное жужжание зуммера, больше похожее на сдавленную икоту.

– Сигнал на жратву, значит сейчас я вас отпускаю, а за едой поразмыслите хорошенько, как достичь воинского мастерства. Разойдись!

Вместе с остальными солдатами Билл направился куда-то в глубину корабельного чрева.

– Как, по-твоему, будут здесь нас кормить хоть чуточку лучше, чем в лагере? – с надеждой в голосе поинтересовался Усер и нервно облизнулся.

– Хуже, по крайней мере, не будут, это точно, – заверил Билл. Они встали в очередь к двери с табличкой «Пункт питания № 2». – Все, что ни делается, к лучшему! Мы же теперь настоящие солдаты, черт побери, а в уставе сказано, что солдат должен идти в бой в хорошей форме.

Очередь продвигалась ужасно медленно, и прошло не меньше часа, прежде чем они оказались перед заветной дверью. У двери усталый до полусмерти дневальный в засаленном комбинезоне сунул Биллу желтую пластмассовую чашку, и Билл двинулся дальше. Когда стоявший впереди солдат отошел, Билл очутился перед голой стеной с одиноким краном посередине.

Толстый повар в белом колпаке и насквозь пропотевшей майке взмахнул половником:

– Пошевеливайся, пошевеливайся, никогда в жизни не ел, что ли? Чашку под кран, жетон в прорезь, а ну живо, живо!

Билл подставил чашку, как велено, и в узкую щель в стене на уровне глаз сунул персональную карточку, болтавшуюся на шее. Послышалось громкое «зззззз», и из крана тонкой струйкой потекла желтоватая жидкость. Когда чашка наполнилась до половины, жидкость течь перестала.

– Следующий! – заорал повар, отпихивая Билла и ставя на его место Усера.

– Что это такое? – удивился Билл, заглядывая в чашку.

– Что это такое?! Что это такое?! – завопил повар, наливаясь кровью. – Обед твой, дурья задница! Химически чистая вода с растворенными в ней восемнадцатью аминокислотами, шестнадцатью витаминами, одиннадцатью минеральными солями, сложным эфиром жирных кислот и глюкозой. А ты чего хотел?

– Обед?... – недоверчиво пробормотал Билл, но тут повар вмазал ему по лбу половником, и из глаз у него посыпались искры. – А можно без сложного эфира жирных кислот? – успел он еще взмолиться, но был взашей вытолкнут в коридор. Вскоре его догнал Усер.

– Ого! – восхитился Усер. – Здесь, оказывается, есть все необходимые для поддержания жизни элементы! Здорово, правда?!

Билл отхлебнул из чашки и душераздирающе простонал.

– Погляди-ка сюда, – раздался голос Тэмбо.

Билл оглянулся и увидел на стене в коридоре трехмерное изображение. По затуманенному небосводу верхом на облаках разъезжали маленькие фигурки.

– Если не обратишься в истинную веру, мой мальчик, тебя ждут вечные муки в геенне огненной. Отринь суеверия, приди в объятия Первой реформистской церкви вуду. Прильни скорей к ее лону и займи свое место на небесах рядом с Самеди вместе с Мондонгом, Бакало и Зандором. Тебя ждут и встретят с радостью.

Незримый оператор дал наплыв, из динамика послышалось ангельское пение под аккомпанемент тамтамов. Теперь фигурки были видны отчетливо – темнокожие, облаченные в белоснежные одежды, с огромными черными крыльями. Все улыбались и весело махали друг другу руками, когда их облачка сближались, и вдохновенно распевали псалмы, колотя во всю мочь в маленькие персональные тамтамы. Сценка была воистину трогательная, и глаза Билла увлажнились.

– Смир-рно! – раскатилось по коридору, и стократное эхо послушно подхватило команду.

Солдаты расправили плечи, щелкнули каблуками и замерли, выкатив глаза. Тэмбо поспешно сунул проектор в карман. Ангельский хор оборвался на полуслове.

– Вольно! – скомандовал предохранительный первого класса Сплин.

Все обернулись на его голос. Сплин шел в сопровождении двух чинов из военной полиции. Полицейские с оружием наизготове были эскортом офицера, из-за маленького роста почти незаметного за их спинами. Билл сразу понял, что это офицер: в лагере он посещал специальный «Курс по определению офицеров!», а кроме того, среди множества плакатов в сортире висел и такой: «Знай своих офицеров!»; Билл успел досконально изучить его во время эпидемии дизентерии. У него челюсть отвисла от изумления: офицер прошел так близко, что его почти можно было коснуться. Офицер остановился перед Тэмбо.

– Предохранительный шестого класса Тэмбо, у меня для тебя хорошая новость. Через две недели истекает семилетний срок твоей службы. Учитывая безупречность послужного списка, капитан Зекиаль распорядился удвоить сумму выходного пособия и уволить тебя с почестями, под барабанный бой, а кроме того, выдать бесплатный билет на Землю.

Тэмбо, спокойный и уверенный, посмотрел сверху вниз на малорослого лейтенанта с аккуратно обкусанными светлыми усами.

– Это невозможно, сэр.

– Невозможно? – зловеще проскрипел офицер и принялся раскачиваться на высоких каблуках. – А кто ты такой, чтобы указывать мне, что возможно, а что нет?

– Не я указываю, сэр, – невозмутимо ответил Тэмбо, – а закон. Пункт тринадцать девять «а», параграф сорок пять, страница восемь тысяч девятьсот двадцать третья, том сорок три «Правил, предписаний и дисциплинарных уложений»: «Ни один нижний чин или офицер не может быть уволен со службы на базе, в канцелярии, на корабле, экипаже, на посту или в трудовом лагере иначе как по приговору трибунала и смертной казни с лишением чести и званий».

– Ты что, юрист, Тэмбо?

– Никак нет, сэр. Я солдат, сэр, и хочу одного: выполнить свой долг, сэр.

– Тут что-то не так, Тэмбо. Я проверил твой послужной список: в армию ты вступил добровольно, на тебя не воздействовали ни гипнозом, ни наркотиками. А теперь еще отказываешься от демобилизации!.. Скверно, Тэмбо, очень скверно. Это бросает на тебя тень. Тебя можно заподозрить в шпионаже, а то и похуже...

– Я не шпион, сэр. Я верный солдат империи.

– Знаю, что не шпион, мы это очень тщательно проверили. Но почему в таком случае ты хочешь служить в армии?

– Как верный слуга императора, сэр, я несу слово божье заблудшим агнцам. Спасены ли вы, сэр?

– Думай, что говоришь, солдат, не то живо пойдешь под трибунал! Да, слышали мы эту историю, ваше преподобие... Не втирай нам очки! Как ты ни хитер, мы тебя раскусим!

Бормоча себе под нос, лейтенант повернулся на каблуках. Все вытянулись по стойке смирно, а он величественно засеменил прочь и скрылся за поворотом коридора. Солдаты косились на Тэмбо, явно чувствуя себя не в своей тарелке, пока он не ушел. Билл и Усер неторопливо побрели в свой кубрик.

– Отказаться от демобилизации! – недоуменно промолвил Билл.

– Э-э... может быть, он псих? – предположил Усер. – Другого объяснения я не вижу.

– Таких психов не бывает, – отмахнулся Билл. – Послушай, что бы это могло быть? – добавил он, указывая на дверь с корявой надписью: «Посторонним вход строго запрещен».

– Э-э... может, жратва?

В тот же миг они оказались за дверью и захлопнули ее за собой, но съестного там не было. Они очутились в прямоугольном помещении с выгнутой по дуге стеной, из которой торчали толстые трубы, закругленные на торцах. Перед каждой трубой громоздился сложнейший агрегат, усеянный циферблатами, индикаторами, переключателями, верньерами и рычагами.

Кроме того, был здесь и большой экран. Билл наклонился к ближайшему агрегату и прочитал надпись на маленькой табличке: «Атомный бластер. Тип IV».

– Погляди-ка, какие гаргаины! Похоже, это главная корабельная батарея!

Он обернулся к Усеру. Тот стоял, подняв руку таким образом, что циферблат его часов был направлен на огневые позиции, а пальцами другой руки давил на заводную головку.

– Ты чего это делаешь? – удивился Билл.

– Э-э... хочу посмотреть, который час.

– Как же ты можешь посмотреть, который час, если смотришь на застежку ремешка?

В коридоре послышались шаги, и друзья вспомнили о надписи на двери. В мгновение ока они выскочили наружу, и Билл тихонько притворил дверь. Потом он повернулся, но Усер исчез, и в кубрик ему пришлось возвращаться одному. Усер уже был на месте – увлеченно орудовал щетками над чьими-то башмаками и даже не взглянул в сторону Билла, протискивающегося к своей койке.

А все-таки что он делал тогда со своими часами?

4

Вопрос этот мучил Билла все долгие дни, пока они в поте лица учились обслуживать предохранители. Работа требовала скрупулезного внимания и точности, но Билл все же урывал достаточно времени, чтобы поразмышлять над этой проблемой. Он размышлял в очереди за едой, размышлял каждый вечер в те короткие секунды, когда гасили свет, а измученное тело не погружалось еще в пучину сна. Он ломал над этим голову всякий раз, как только выдавался свободный миг, и худел на глазах.

Худел, правда, не потому, что размышлял, а по той же причине, что и остальные солдаты. Корабельный рацион. От него требовалось поддерживать в них существование, но если бы кто-нибудь представил, что это было за существование! Голодное и жалкое! Билла, впрочем, терзали проблемы куда более важные, чем чашка витаминного супа. И он все отчетливее понимал, что в одиночку с ними не справится.

После воскресных занятий по специальности на второй неделе обучения, когда чуть слышный звонок возвестил наконец о долгожданной свободе и солдаты, шатаясь на подкашивающихся ногах, поплелись в пункт питания, Билл не последовал за товарищами. Он подошел к предохранительному первого класса Сплину.

– Сэр... У меня...

– Чепуха, не ты первый, не ты последний. Один укол – и дело в шляпе. Говорят, без этого мужчиной не станешь!

– Собственно... у меня другое... Я бы хотел увидеться со священником.

Сплин побледнел как полотно и привалился к стене.

– Теперь мне все ясно, – слабо выдавил он. – Топай за своим супом, и, если ты будешь держать язык за зубами, я тоже буду нем как рыба.

Билл покраснел.

– Извините, сэр, тут ничего не поделаешь. Мне позарез нужен священник, я не виноват. С каждым может случиться...

Он говорил все более робко, не поднимая глаз, неуверенно переступая с ноги на ногу, и вовсе умолк. Молчание затянулось. Наконец Сплин нарушил гнетущую тишину.

– Ладно, воин, раз уж ты настаиваешь, – сказал он официальным тоном. – Надеюсь, твои товарищи не узнают. Вали туда сейчас же, вместо обеда. Вот тебе пропуск.

Он нацарапал что-то на клочке бумаги и презрительно уронил его на пол, к ногам униженного Билла.

В корабельном справочнике утверждалось, что священник занимает помещение 362 «б» на 89-й палубе. После продолжительного путешествия на лифтах, по коридорам и лестницам Билл остановился наконец перед дверью из скрепленных заклепками железных листов и дрожащими пальцами постучал. В глотке у него совершенно пересохло, на лбу выступили крупные капли пота. Железо неожиданно гулко отозвалось на стук, и через несколько мучительно долгих мгновений с той стороны послышался приглушенный голос:

– Входите, входите, не заперто.

Билл вошел и вытянулся по стойке смирно перед офицером в звании четвертого лейтенанта, который сидел за письменным столом, занимавшим почти всю крохотную каюту. Офицер, хоть относительно и молодой, был совершенно плешив и небрит. Под его глазами явственно виднелись темные круги, а кое-как повязанный галстук отчаянно нуждался в чистке и глажке. Занят офицер был бумагами: он рылся в грудях документов, заваливших стол, раскладывал их в стопки, на одних делал какие-то пометки, другие швырял в переполненную корзину. В ходе этой операции он передвинул с места на место одну из груд, и Билл увидел на столе табличку: «Интендант».

– Извините, сэр, я, вероятно, ошибся дверью. Мне нужен священник.

– Все верно, только священник приходит в тринадцать ноль-ноль. Даже такой болван, как ты, в силах сообразить, что это совсем скоро.

– Благодарю вас, сэр. Я найду попозже...

Билл направился к двери.

– Нет уж, ты останешься и немного поработаешь! – Офицер скосил на него налитые кровью глаза и демонически захохотал. – Ага, попался!.. Прогляди-ка эти отчеты за носовые платки! Где-то затерялось шестьсот пар подтяжек; может, там. Думаешь, легко быть интендантом?

Он жалобно высморкался и подсунул Биллу расплывающуюся стопку бумаг. Но не успели они толком приняться за дело, как звонок оповестил о конце вахты.

– Так я и знал! – захныкал офицер. – Этому конца не видно! Куда там, с каждым днем все хуже! И ты смеешь утверждать, что у тебя есть проблемы?!

Трясушейся рукой он перевернул табличку. Появилась выведенная крупными буквами надпись: «Капеллан». Потом он ухватился за свой воротник и повернул его на сто восемьдесят градусов на специальных, вшитых в рубашку подшипниках. Галстук оказался на спине, а на груди засиял ослепительно-белый воротничок-стойка.

Священник молитвенно сложил руки, опустил глаза и ласково улыбнулся:

– Чем могу помочь, сын мой?

– Я думал, что вы интендант... – пролепетал Билл.

– Так оно и есть, сын мой, и это не единственное бремя, которое мне приходится владеть на своих слабых плечах. В столь тяжкие времена спрос на священников невелик. Зато офицеры-интенданты нарасхват. Служу по мере сил...

Он смиренно склонил голову.

– Но кто вы на самом деле? Священник, иногда выполняющий функции интенданта, или интендант – и по совместительству священник?

– Это тайна, сын мой. Существует множество тайн, коих лучше не касаться. Однако я вижу, что тебя что-то гнетет. Позволь спросить, сын мой, веруешь ли ты?

– Во что?

– Именно это я и хочу от тебя услышать! – рявкнул священник голосом офицера-интенданта. – Как я могу помочь тебе, не зная, какую религию ты исповедуешь?

– Я зороастриец.

Священник достал из ящика стола закатанный в прозрачный пластик лист бумаги и повел по нему пальцем.

– З... з... зен... зодомит... Ага, «зороастриец-старообрядец»?

– Так точно, сэр.

– Нет ничего проще, сын мой... Двадцать один – пятьдесят два – ноль пять.

Он сноровисто набрал номер на вмонтированном в крышку стола пульте, с евангелистским огнем в глазах небрежно смахнув на пол груды отчетов из прачечной. Замурлыкал скрытый механизм, часть стола вдруг провалилась, чтобы через мгновение вернуться на место уже с черным пластмассовым, отделанным золотыми быками сундучком.

– Одну секунду, – сказал капеллан.

Первым делом он извлек из сундучка длинную полосу белой ткани, также расшитую золотыми быками, и обернул ее вокруг шеи. Затем выложил на стол толстый фолиант в кожаном переплете и поставил на него двух металлических быков с выдолбленными спинами. В одного налил дистиллированной воды из пластиковой фляги, в другого плеснул благовонного масла и поджег. Билл радостно наблюдал за столь знакомыми приготовлениями.

– Чудеса! – сказал он. – Выходит, вы тоже зороастриец? Тогда вы меня без труда поймете.

– Какие там чудеса, сын мой, всего лишь плоды разумного планирования. – Священник бросил в огонь щепотку порошка; ноздри Билла затрепетали, учуяв дурманящий аромат. – Милостью Ахурамазды я помазанник Зороастра, волею Аллаха – правоверный муэдзин, представительство Иеговы – обрезанный ребе и так далее и так далее... – Тут его елейное лицо ощерилось в зверской гримасе. – А из-за нехватки офицеров я – трижды проклятый интендант! – Его лицо снова обрело благодное спокойствие. – Теперь поведай мне свои печали...

– Гм... дело непростое. Возможно, с моей стороны это глупая подозрительность, но меня беспокоит один приятель. Что-то в его поведении... как бы это сказать...

– Доверься мне, сын мой, и без страха поведай самые сокровенные помыслы. Ничто из сказанного тобой не выйдет из этих стен, ибо призвание и обет требуют от меня хранить тайну исповеди. Облегчи душу, дитя мое.

– Вы очень добры, мне уже полегчало. Видите ли, мой приятель всегда был малость чудакотым: чистил всем нам башмаки, добровольно вызывался дежурить по сортиру и не интересовался девушками.

Капеллан кивнул с благочестивым одобрением и помахал рукой, подгоняя к себе душистые благовония.

– Не вижу причин для беспокойства. Этот твой приятель, сдается мне, славный парень. Ибо сказано: помогай ближнему своему, разделяй с ним бремя забот его и избегай блудных дочерей.

Билл фыркнул:

– Все это хорошо для воскресной школы, а не для армии! Вообще-то говоря, мы считали его малость пришибленным, но сейчас я не об этом. Как-то оказались мы с ним в рубке управления артогнем, и он нацелил свои часы на орудия, придавил заводную головку, и раздалось «щелк!». А вдруг это фотоаппарат? Я... я думаю, что он шпион чинджеров!

Обливаясь потом, Билл откинулся на спинку стула и стал хватать ртом воздух. Роковые слова были произнесены.

Священник, благодно улыбаясь, продолжал кивать, наполовину одурманенный парами. Наконец он очнулся, громко высморкался и раскрыл толстый фолиант. Пробормотав что-то на древнеперсидском, он заметно воспрянул духом.

– Не лжесвидетельствуй! – загремел он, нацеливая на Билла обвиняющий перст и пронизывая его огненным взглядом.

– Вы меня не поняли, – пролепетал Билл и заерзал на стуле. – Так все и было, я своими глазами видел! И вообще, что это за духовная поддержка?!

– Укрепляющее средство, сын мой, в духе старой религии – для пробуждения в тебе чувства вины и напоминания о необходимости регулярно посещать церковь. Ты уклонился от истинного пути, сын мой!

– Разве я виноват? В лагере запрещены религиозные службы!

– Обстоятельства не являются оправданием, но на сей раз грех тебе отпускается, ибо бесконечна доброта Ахурамазды!

– А как насчет моего приятеля-шпиона?

– Подозрительность недостойна исповедующего учение Зороастра. Несчастный не должен страдать из-за врожденной склонности к дружелюбию, человечности и чистоте нравов, а также из-за того, что его старые часы громко тикают. Помимо всего – если ты не против включения в нашу беседу элементов логики, – как может он быть шпионом? Чтобы быть шпионом, он должен быть чинджером, а чинджеры семи футов ростом, да еще с хвостом. Соображаешь?

– Да-да, – упавшим голосом пробормотал Билл. – Я и сам об этом думал. Но все же...

– Ясно. Похоже, твоей душой овладел Ариман, он и велит тебе плохо думать о ближнем. Покайся скорее и присоединись к моей краткой молитве, пока не заступил на вахту интендант.

Покончив поспешно с ритуалом, Билл помог сложить все в сундучок, который тут же исчез в недрах стола, попрощался и направился к двери.

– Минутку, сын мой, – произнес священник с самой теплой улыбкой. Резким движением повернув воротничок, он одновременно словно губкой стер с лица благочестивое выражение. Его сменила зловещая гримаса. – Ты куда это направился, дерьмо собачье?! Ну-ка, марш на место!

– Но... но... – пролепетал Билл, – вы ведь сказали, что я могу идти...

– Я интендант, и с капелланом не имею ничего общего! А сейчас – быстро! – выкладывай имя шпиона, укрыватель!

– Но ведь священник обязан хранить тайну исповеди!

– А он ее и не нарушал. Просто я ненароком подслушал ваш разговор! – Он нажал красную кнопку на пульте. – Сейчас явится военная полиция. Колись, вонючка, или я прикажу протащить тебя под килем без скафандра и на год лишу права посещения пивной. Имя!

– Усер, – всхлипнул Билл.

По коридору загрохотали тяжелые сапоги, и в тесную каюту вломилась пара полицейских.

– У меня для вас есть шпион, парни! – ликующе объявил интендант.

Полицейские ощерились и с радостными воплями набросились на Билла. Бедняга рухнул на пол под градом палочных и кулачных ударов, обливаясь кровью, прежде чем интенданту удалось оттащить этих дебилов с чрезмерно развитой мускулатурой.

– Да не тот!.. – пытаясь отдышаться, выдавил офицер и бросил Биллу полотенце утереть кровь с лица. – Это наш информатор, законопослушный патриот, герой, наступавший на своего приятеля по имени Усер, которого мы сейчас схватим и закуем в кандалы для допроса. Идем!

Полицейские подхватили Билла под мышки, и к тому времени, когда они добрались до кубрика предохранительных, ветерок от быстрого передвижения по коридорам привел его в чувство. Интендант приоткрыл дверь и просунул внутрь голову.

– Привет, ребята! – сказал он радостно. – Усер здесь?

Усер оторвал взгляд от башмака, над которым трудился, расслабился и помахал рукой:

– Э-э... вот он я!

– Взять его! – рявкнул офицер, отпрыгивая в сторону.

Билл рухнул на пол, когда полицейские отпустили его и ворвались в каюту. Не успел он встать, как Усер был обездвижен и скован по рукам и ногам, но все равно продолжал улыбаться.

– Э-э... вы, верно, хотите, чтобы я и вам башмаки почистил?

– Ты мне зубы не заговаривай, подлый шпион! – рявкнул интендант и врезал кулаком прямо в лучшую улыбку. По крайней мере, попытался врезать, потому что Усер широко раскрыл рот и впился зубами в ударившую его руку, причем стиснул челюсти так крепко, что офицер никак не мог высвободиться.

– Он меня укусил! – завизжал интендант, тщетно дергаясь.

Полицейские, прикованные к рукам пленника, занесли дубинки, чтобы задать ему добрую трепку.

И в тот же миг макушка Усера откинулась в сторону.

Случись такое в обычной обстановке, все сочли бы это странным, но в конкретной сложившейся ситуации происшедшее показалось странным вдвойне. Все, не исключая и Билла, замерли и ошелопелись, как из открывшегося черепа Усера выбралась ящерица длиной дюймов семь и прыгнула на пол, оставив на нем довольно солидную вмятину. У ящерицы были четыре крошечные ручки, длинный хвост, пасть новорожденного крокодила и кожа ярко-зеленого цвета. Точь-в-точь чинджер, только не семи футов, а семи дюймов!

– Все люди – вонючки! – пропищала ящерица голосом Усера. – Чинджеры не потеют! Да здравствуют чинджеры!

И юркнула через кубрик к койке Усера.

Всех будто парализовало. Предохранительные, видевшие, что случилось, сидели или стояли столбом, выпучив глаза, похожие на сваренные вкрутую яйца. Офицер-интендант был пригвожден к месту впившимися ему в руку зубами, полицейские лихорадочно силились отстегнуться от сковывавшего их движения неподвижного тела. Один лишь Билл, еле способный шевелиться после недавнего избиения, попытался схватить ящерицу. Крохотные коготки тут же впелись ему в ладонь, а затем его со страшной силой швырнуло о стену.

– Э-э... получи, доносчик! – проскрипел тоненький голосок.

Прежде чем кто-либо успел вмешаться, ящерица добралась до груды мешков, громоздящихся на койке Усера, раскрыла верхний и нырнула внутрь. Через миг послышалось жужжание, и из мешка вылетел блестящий космический корабль длиной в два фута. Он завис в воздухе посреди каюты, нацеливая нос в стену. Жужжание усилилось, и корабль рванулся вперед, пронзив металл с такой легкостью, будто переборка была сделана из раскисшего картона. Слышно было, как он продирается сквозь встречные преграды, и наконец с оглушительным грохотом корабль пробил наружную оболочку крейсера и умчался в космос. Засвистел вырывающийся воздух, завывали сирены.

– Будь я проклят... – Интендант захлопнул отвалившуюся от изумления челюсть и завопил: – Да оторвите же от меня эту штуку, пока она меня насмерть не загрызла!

Полицейские беспомощно дергались, надежно прикованные к безжизненному остову Усера. Наконец Билл догадался схватить свое атомное оружие и его стволом разжал все еще ухмыляющуюся пасть Усера, освободив руку офицера. При этом он воспользовался случаем и заглянул в открытую черепную коробку приятеля. Шов между черепом и крышкой проходил сразу же над ушами. Крышка крепилась на миниатюрных металлических петлях. Внутри вместо мозгов, костей и прочего находилась крошечная комната с пультом управления, малюсеньким креслицем, микроскопическими приборами и экраном, а также шкафчиком с прохладительными напитками. Усер оказался всего лишь роботом, а управляла им ящерица, сбежавшая на своем космическом корабле. Она как две капли воды походила на чинджера, вот только ростом была всего семь дюймов.

– Эй! – воскликнул Билл. – Усер, оказывается, всего лишь робот, и управляла им ящерица, сбежавшая на своем космическом корабле! Она как две капли воды походила на чинджера, вот только ростом была всего семь дюймов...

– Семь дюймов, семь футов – какая разница! – буркнул офицер-интендант, оборачивая покусанный кулак носовым платком. – По-твоему, мы обязаны сообщать каждому новобранцу,

что противник смехотворно низкорослый и что обитает он на планете с тяготением десять «же»?.. Надо поддерживать боевой дух!

5

Теперь, когда выяснилось, что Усер чинджер, Биллу стало совсем одиноко. Задница Браун и раньше не отличался разговорчивостью, а сейчас замолчал окончательно. Поплакаться и то было некому. Среди обитателей кубрика Браун оставался единственным знакомым по учебному лагерю. Остальные держались особняком: стоило Биллу приблизиться, и они замолкали, бросая в его сторону подозрительные взгляды. Единственным развлечением этих людей была сварка. Свободное время они проводили, приваривая что-нибудь к полу, чтобы потом отпилить это «что-нибудь» и приварить снова в другом месте. Может показаться, что это не слишком увлекательный способ коротать время, однако они были довольны. Короче, Билл чувствовал себя не в своей тарелке и даже попытался жаловаться Усеру.

– Полюбуйся, во что я влип по твоей милости, – хныкал он.

Усер, нечувствительный к упрекам, безразлично ухмылялся.

– Мог бы, по крайней мере, закрыть голову, когда с тобой разговаривают! – возмутился Билл и захлопнул крышку. Однако лучше не стало. Усер по-прежнему только ухмылялся, но стоял уже в углу, надежно прикрепленный к полу магнитными подметками; солдаты развешивали на нем грязные рубашки и детали сварочных аппаратов. Торчал он так вахты три, пока наверху решали, что с ним делать. Наконец явился взвод полицейских с ломami, его взвалили на тележку и увезли невесть куда.

– Счастливо! – помахал ему Билл и продолжил чистку своих башмаков. Конечно, Усер был шпионом, но товарищ он был неплохой.

Задница Браун, по обыкновению, молчал, сварщики по-прежнему в свою компанию не принимали, и весь досуг Билл тратил на изобретение благовидных предлогов – как бы избежать общения с его преподобием предохранительным Тэмбо. «Фанни Хилл» – «гранд-дама» межзвездного флота – все еще находилась на стационарной орбите: заканчивался монтаж ее маршевых двигателей. На борту делать было практически нечего, так как вопреки предсказанию предохранительного первого класса Сплина на овладение всеми тонкостями специальности у Билла ушло несколько меньше времени, чем того требовали многочисленные инструкции и предписания: вместо года, если говорить откровенно, хватило всего четверти часа. Билл слонялся по кораблю, всюду совал свой нос и даже подумывал, не навестить ли священника – излить душу и поделиться сомнениями, но боялся зайти не вовремя. Уж очень не хотелось встречаться с офицером-интендантом. Заглядывал он так в каждый угол – конечно, насколько позволяли военные патрули – и однажды сквозь неплотно прикрытую дверь в каюту увидел лежащий на койке башмак.

Билл обмер, потрясенный и испуганный, едва не наделав в штаны. Дело в том, что башмак был ему знаком. И на смертном одре он узнал бы этот башмак. Он изучил его в мельчайших подробностях, изучил как свой личный воинский номер, который мог назвать с конца, с начала и с середины. Каждая деталь этого башмака врезалась в память с поразительной точностью – от змеевидной шнуровки на голенищах, по слухам сработанных из человеческой кожи, до рифленых подметок, испачканных ржавыми пятнами, скорее всего кровью новобранцев. Это был башмак сержанта Сгинь Сдохни!

Башмак сидел на ноге, и Билл, парализованный ужасом, подобно беззащитной птичке под гипнотическим взором змеи, обнаружил, что приближается к двери, по мере того как взгляд его скользит вверх по ноге, минует пояс, куртку, шею и наконец упирается в лицо – лицо, которое с тех пор, как он угодил в армию, являлось ему в невообразимых кошмарах. Губы на лице шевельнулись...

– Билл, это ты? Заходи, дружище, садись!

Билл ввалился в каюту.

– Конфету хочешь? Угощайся! – предложил Сдохни. И улыбнулся.

Пальцы Билла сами потянулись к протянутой коробке, и через миг его челюсти впервые за несколько недель принялись жевать настоящую пищу. Из почти атрофировавшихся слюнных желез потекла слюна, изумленный желудок громко застонал, а мысли понеслись вскачь, обгоняя одна другую в тщетных попытках расшифровать выражение лица сержанта. Изогнутые вверх уголки губ, ямочки на щеках... Нет, безнадежно, что бы это могло быть?!

– Я слышал, Усер оказался шпионом чинджеров, – сказал Сдохни, закрывая коробку и пряча ее под подушку. – Мне следовало догадаться. Я, конечно, чувствовал неладное с парнем – вся эта чистка башмаков и прочая бредятина, – однако думал, что он всего-навсего чокнутый. Да, недоглядел...

– Сдохни, – хрипло выдавил Билл, – я понимаю, это невозможно... Но вы ведете себя как человек!

Сержант расхохотался, причем не своим обычным, похожим на скрежет пилы по человеческим костям, а почти нормальным смехом.

Билл продолжал, заикаясь от волнения:

– Н-но вы ведь садист, извращенец, животное, негодяй, убийца...

– Спасибо, Билл. Приятно слышать. Я стараюсь вкладывать в работу всю душу и, как и всякий, не прочь дождаться слова похвалы. Роль убийцы достаточно сложна. Наконец-то это дошло даже до такого олуха, как ты.

– Как же... разве вы не в самом деле...

– Молчать! – рявкнул Сдохни, и столько в его голосе было яда и бешенства, что температура тела Билла разом упала на шесть градусов. Сержант вновь улыбнулся. – Ты не виноват, сынок, что с тебя взять? Уж больно ты глуп, да и родом с какой-то захудалой планетки. Общение с армейскими придурками тоже ума не прибавляет, и вообще... Но пошевели мозгами, парень! Военная муштра – слишком серьезное дело, чтобы доверить его любителям. Прочитал бы ты в нашем колледже главку-другую из учебника... у тебя бы кровь в жилах застыла! В доисторические времена сержанты-дрессировщики, или как их там называли, вот те были садисты так садисты! Им позволяли прямо с грязью смешивать рекрутов. Благодаря этим бравым невеждам солдат начинал ненавидеть службу, прежде чем соображал, что ее надо бояться, и дисциплина катилась к чертям собачьим. А потери?! То кого-нибудь зашибут ненароком, то целый взвод утопят во время переправы, то еще что-нибудь в этом роде. Просто слезы на глаза наворачиваются, такие были потери!

– Можно мне спросить, на чем вы специализировались в колледже? – робко поинтересовался Билл.

– Воинская дисциплина, подавление духа и методология воздействия – вот мой курс. Обзорный, четырехлетний, но закончил я его на «отлично», а для парня из рабочей семьи это совсем недурно. Все силы отдавал службе – а проклятые ублюдки запихали меня в эту вонючую посудину!

Он поднял очки в тонкой золотой оправе и смахнул набежавшую слезу.

– Вы ждали благодарности? – несмело спросил Билл.

– Да, ты прав, глупо с моей стороны! Спасибо, что привел меня в чувство. Билл, из тебя еще выйдет хороший солдат. От начальства нужно ожидать лишь преступного равнодушия и халатности, чтобы этим можно было воспользоваться – ну, как делают там, наверху: взятки, хищения имущества, махинации на черном рынке и так далее. Но в лагере я и впрямь здорово поработал и питал наивную, как выяснилось, надежду, что мне позволят заниматься этим и впредь... Ладно, займусь-ка делом: пора устраивать себе перевод.

Он поднялся с койки и убрал коробку с конфетами и очки в запирающуюся на ключ тумбочку.

В минуты сильного душевного волнения Билл начинал соображать медленнее и все качал головой, время от времени даже постукивая по лбу тыльной стороной ладони.

– Видно, вашей карьере сильно помогло врожденное урод... Я хотел сказать, у вас такие красивые зубы...

– Еще бы не помогло, – отозвался Сдохни, пощелкивая ногтем по одному из своих клыков. – Но чертовски дорого! Ты знаешь, сколько стоит комплект искусственно выращенных и хирургически вживленных клыков? Держу пари, что нет! Я три года подрабатывал во время летних отпусков, чтобы сколотить денег, и скажу тебе: не жалею. Имидж – вот главное! Изучал я старые фильмы: тогда тоже, по-своему, примитивно, умели из человека сделать скотину. Подбирали таких специалистов, очевидно, по внешнему виду и по коэффициенту умственного развития – чем хуже, тем лучше, но были они настоящими знатоками своего дела. Продолговатые, наголо бритые черепа, усеянные шрамами, мощный подбородок, отвратительные манеры, вспыльчивость – все, что угодно. Я понял, что некоторые предварительные инвестиции могут в будущем обернуться дивидендами. О, это была настоящая жертва, поверь мне! Ты встречал еще подобные клыки? Нет! Причин предостаточно. Конечно, чтобы рвать жесткое мясо, они хороши, ну а дальше? Попробуй поцелуй девушку... Ладно, Билл, проваливай, у меня дела. Еще увидимся...

Последние слова Билл едва расслышал, так как, ведомый хорошо вымуштрованными рефлексамися, очутился в коридоре, едва уловив команду. Когда самопроизвольный страх миновал, Билл отправился восвояси тщательно отработанным шагом, несколько напоминающим походку утки с перебитыми коленными суставами. По его мнению, именно так ходили старые космические волки. Он считал себя уже в какой-то мере закаленным ветераном и на минуту даже возомнил, что больше знает об армии, чем армия о нем. Эти наивные иллюзии растаяли как дым, стоило вмонтированным в потолок динамикам откашляться и прогнусавить:

– Слушайте все! Наш старик-капитан Зекиаль издал приказ, которого мы с нетерпением ждали. Идем в бой, ускорение нос-корма, закрепить все на совесть!

Глухой, наполненный сердечной болью стон прокатился по кубрикам гигантского корабля.

6

В сортирах воздух гудел от шуточек и сплетен, касающихся цели первого полета «Фанни Хилл», однако ничего общего с действительностью они не имели: их по приказу командования распространяли тайные агенты полиции. Единственное, что можно было сказать с уверенностью, так это то, что корабль, похоже, и в самом деле куда-то полетит, потому что корабль, очевидно, готовили куда-то полететь. Даже Тэмбо, укладывающий в кладовке запасные предохранители, вынужден был с этим согласиться.

– Хотя, с другой стороны, – добавил он, – возможно, что это всего лишь операция по дезинформации шпионов. Мы делаем вид, что куда-то полетим, а на самом деле туда полетит другой корабль.

– Куда – «туда»? – спросил Билл с раздражением, потому что придавил ноготь на указательном пальце.

– Ну куда-нибудь, какая разница? – Все, что не имело непосредственного отношения к его вере, Тэмбо оставляло равнодушным. – Зато мне доподлинно известно, куда попадешь ты.

– Куда же? – замер Билл, заглотнув приманку.

– Прямехонько в ад, если не будешь спасен.

– Опять за свое... – простонал Билл.

– Вот погляди, – тоном искусителя шепнул Тэмбо и запустил знакомую райскую картинку: золотые врата, фигурки на облачках, рокот тамтамов...

– Ну-ка, кончай свое дерьмовое спасение! – гаркнул предохранительный первого класса Сплин, и картинка исчезла.

Что-то слегка дернулось у Билла в желудке, но он принял это ощущение за очередной сигнал тревоги, посланный запаниковавшими внутренностями, которым постоянно мерещилось, что их намереваются уморить голодом. Сложнейшая, чудесная система по перевариванию и усвоению пищи все никак не могла переварить и усвоить простой факт: она обречена на жидкостную диету.

Однако Тэмбо прервал работу и склонил голову набок, будто прислушиваясь, а затем осторожно ткнул себя кулаком в живот.

– Летим, – решительно заявил он. – Причем на межзвездной тяге.

– Значит ли это, что мы вламываемся в подпространство и вскоре жуткие судороги скрутят каждую клеточку наших организмов?

– Нет, старыми подпространственными двигателями уже не пользуются. Множество кораблей пробилось в подпространство с этими жуткими судорогами, но ни один из них до сих пор еще не выбрался обратно. Я читал в «Солдатской правде» статью какого-то математика, что в расчеты вкралась ошибка; время в подпространстве действительно течет иначе, но иначе *быстрее*, а не иначе *медленнее*, и те корабли могут вернуться черт знает когда, если вообще когда-нибудь вернутся.

– Значит, мы в *над*пространстве?

– Ничего подобного!

– Так, может, нас разложили на составляющие атомы и занесли в память гигантского компьютера, которому стоит лишь вообразить, что мы находимся в каком-то определенном месте, и раз – мы уже там?

– Ого! – присвистнул Тэмбо, и его брови поднялись чуть ли не к самой линии волос. – Для деревенского увальня зороастрийца у тебя довольно странные идеи! Ты не выпил, часом? Или, может, курнул чего?

– Ну скажи! – взмолился Билл. – Если ни то ни другое, тогда что же? Чтобы драться с чинджерами, нам нужно пересечь межзвездное пространство, и как это мы сделаем?

– Да вот так! – Тэмбо огляделся, нет ли поблизости предохранительного первого класса Сплина, и сложил руки лодочкой. – Представь себе, что это корабль в космосе. Когда включается разбухательная тяга...

– Какая-какая?..

– Разбухательная. У нее такое название, потому что она действует по принципу разбухания. Ну, тебе, должно быть, известно: все на свете состоит из малюсеньких шуток, всяких там электронов, протонов, нейтронов, тронтронов и черт знает чего еще, которые держит некая связующая энергия. Если ослабить эту энергию – да, я забыл сказать, что все они вечно вертятся как сумасшедшие; впрочем, ты об этом, возможно, уже слышал, – так вот, если эту энергию ослабить, то эти шутовины начнут разлетаться, и чем меньше будет эта энергия, тем дальше друг от друга они разбегутся. Я ясно выражаюсь?

– Кажется. Но не уверен, что мне это нравится.

– Спокойно. Видишь мои руки? Итак, энергия уменьшается, а корабль становится все больше и больше. – Он развел руки в стороны. – Все больше и больше: сперва как планета, потом как солнце и наконец как целая Солнечная система. Благодаря разбухательной тяге мы можем стать сколь угодно большими. Потом ее включают в обратном направлении, корабль съезживается до нормальных размеров, и раз – мы уже там!

– Где?

– Там, куда нам надо, – терпеливо пояснил Тэмбо.

Билл отвернулся и принялся усердно полировать предохранитель, увидев, что рядом с подозрительным блеском в глазах проходит предохранительный первого класса Сплин. Когда он скрылся за поворотом, Билл подошел к Тэмбо и зашипел:

– Но мы должны оказаться там, откуда начали! Надуваясь и съеживаясь, никуда не улетишь!

– Э-э, друг, старая добрая разбухательная тяга способна на всякие фокусы. Возьми, к примеру, кусок резины и растяни ее в стороны. Левую руку не двигай, а правую отведи как можно дальше. Теперь отпусти конец, который держишь левой рукой, – резина сожмется и окажется там, где твоя правая рука. Понимаешь? Ты же не перемещал ее, только растягивал, и тем не менее она оказалась в другом месте. Вот и наш корабль – он разбухает, только все время в одну сторону. Когда нос его окажется там, куда мы летим, корма все еще будет там, откуда мы вылетели. Потом происходит съеживание, и раз – мы на месте! С такой же легкостью ты можешь попасть на небеса, сын мой, если только...

– Проповеди в рабочее время, да, Тэмбо? – рявкнул Сплин с другой стороны груды предохранителей, откуда он подглядывал с помощью зеркала на длинном пруте. – Теперь год будешь драить предохранопояски, я тебя предупреждал!

Они молча работали тряпками до тех пор, пока сквозь переборку в помещение не всплыла планетка размером с теннисный мяч. Идеальная маленькая планета с крошечными полярными ледяными шапками, атмосферными фронтами, облачным покровом, океанами и всем прочим.

– Что это? – пискнул Билл.

– Навигационная ошибка, – ухмыльнулся Тэмбо. – Занесло чуток. Вместо того чтобы расти лишь вперед, корабль немного сдал назад. Эй, не трогай! Это может плохо кончиться... Та самая планета, которую мы только что покинули, Фигеринадон-два.

– Мой дом, – всхлипнул Билл, и на глазах у него выступили слезы. Тем временем миниатюрный глобус съежился до размеров шарика для настольного тенниса. – Прощай, маманя!

Он махал рукой, пока планетка совсем не исчезла.

Если не считать этого происшествия, полет был очень скучным: движения они не чувствовали, когда остановятся, не знали и куда попадут – понятия не имели. Наконец поступил приказ снять крепления с запасных предохранителей – значит куда-то они все-таки добрались. На протяжении трех вахт не происходило ничего особенного, и когда вдруг объявили боевую тревогу, Билл помчался на свой пост, счастливый впервые за все время службы. Все жертвы и муки ненапрасны, сейчас он вступит в схватку с омерзительными чинджерами!

Предохранительные застыли в позиции номер один, впившись глазами в красные пояски на предохранителях, именуемые поясками предохранителя. Сквозь подметки башмаков чувствовалась легкая, но отчетливая вибрация.

– Что это? – спросил Билл, почти не шевеля губами.

– С разбухательной тяги мы перешли на главную, – уголком рта прошипел Тэмбо. – Атомные двигатели. Значит, мы маневрируем, что-то делаем...

– Но что?

– Следить за поясками! – заорал предохранительный первого класса Сплин.

Билл начал потеть и внезапно осознал, что стоит удушающая жара. Тэмбо, не отводя глаз от предохранителей, выскользнул из комбинезона и аккуратно сложил его позади себя.

– А разве можно? – поразился Билл, оттягивая воротник. – И вообще, что происходит?

– Это против правил, но раздеться придется, иначе сварись. Давай, давай, сынок, не то помрешь без отпущения грехов. Видать, идет бой, потому что работает вся защита: семнадцать силовых экранов, один электромагнитный да еще двойная броня с тонкой пленкой псевдожеле между слоями, которая мгновенно затягивает все дыры. С такой оболочкой корабль совершенно не излучает энергии в пространство. Двигатели работают, все потеют, здесь будет жарче, чем в бане. А начнем палить – представляешь?

Много часов температура колебалась у пределов выносимого. И все эти часы предохранительные провели, таращась на пояски предохранителей. Как-то раз Билл босыми подошвами почувствовал легкое содрогание раскаленной палубы.

– Что это?

– Пускаем торпеды.

– В кого?

Тэмбо в ответ только пожал плечами, не сводя бдительного взгляда с поясков предохранителей. Еще с час Билл мучился от неуверенности, скуки, жары и усталости, и вдруг раздался сигнал отбоя, и из вентиляторов хлынула струя холодного воздуха. Когда он натянул форму, Тэмбо куда-то исчез, и Билл, едва волоча ноги, поплелся в кубрик. На доске объявлений в коридоре висел листок, размноженный на мимеографе, и Билл придвинул к нему лицо, сияясь разобрать расплывающийся текст.

От кого: Капитан Зекиаль

Кому: Всему экипажу

Тема: Недавнее сражение

23.11.8956 наш корабль участвовал в уничтожении вражеской установки 17КЛ-345 и во взаимодействии с остальными кораблями флотилии «Красный костыль» завершил свою миссию полным успехом, в связи с чем объявляется, что каждый член экипажа обязан прикрепить к орденой ленте «Ветеран боевых действий» знак «Почетное атомное облако»; если же вышеозначенное сражение было первым для члена экипажа, упомянутый член имеет право на знак «Участник боевых действий».

Внимание!

Кое-кто замечен в ношении «Почетного атомного облака» вверх ногами, что является ПРЕСТУПЛЕНИЕМ и по законам военного времени решением ТРИБУНАЛА карается СМЕРТЬЮ.

7

После героической битвы при 17КЛ-345 потянулись унылые недели учений и муштры, имевшие целью возратить утомленным ветеранам былую форму. В один из таких гнетущих дней из динамиков раздался сигнал, доселе Биллу незнакомый. Он напоминал звук, какой можно извлечь из наполненного стальными прутьями рудодробильного барабана, если его хорошенько потрясти. Ни Биллу, ни остальным новобранцам этот сигнал ничего не говорил, зато Тэмбо кубарем слетел с койки и под аккомпанемент тамтама, в роли которого выступала прикроватная тумбочка, исполнил короткий танец смерти.

– Ты спятил? – вяло поинтересовался Билл с койки, где он листал затрепанный комикс, озаглавленный «ПОМЕШАВШИЙСЯ НА СЕКСЕ, или УПЫРЬ-УБИЙЦА / со звуковыми эффектами». С раскрытой страницы несся душераздирающий стон.

– Разве ты не знаешь? – изумился Тэмбо. – Ты же не знаешь!.. Нет другого звука, столь ласкающего слух... Почту привезли!

Остаток вахты прошел в томительном ожидании, а потом, разумеется, пришлось выстоять длинную очередь. Доставка почты была организована с максимальным беспорядком, однако в конце концов, невзирая на многочисленные препятствия и проволоочки, Билл завладел бесценной открыткой от матери. На открытке были изображены корпуса фабрики по переработке падали и потрохов, что располагались на окраине его родного городка, и одного этого хватило, чтобы к горлу Билла подступил предательский комок. На отведенном для письма чистом прямоугольнике мать накорябала с трудом: «Урожай плохой, сидим в долгах, у робота сап, у тебя, надеюсь, тоже все нормально. Люблю, мама». И все же это была весточка

из дома, и Билл, стоя в очереди за едой, перечитывал ее вновь и вновь. Стоявший перед ним Тэмбо тоже получил открытку, как и следовало ожидать, всю в церквах и ангелочках. Миссионер прочитал ее и невозмутимо сунул в чашку с обеденной жидкостью. Билл был потрясен.

– Что ты делаешь?

– А на кой черт, по-твоему, почта? – проворчал Тэмбо и окунул открытку поглубже. – Гляди.

На глазах у оторопевшего Билла открытка начала разбухать. Белая поверхность растрескалась и осыпалась маленькими хлопьями, а коричневая основа росла и росла, пока не заполнила всю чашку. Тэмбо извлек истекающую супом массу и впился в нее зубами.

– Обезвоженный шоколад, – прочавкал он. – Мм, прелесть! А ты что получил?

Тэмбо не успел еще договорить, а Билл уже затолкал свою открытку в суп и зачарованно смотрел, как она разбухает. Поверхностный слой отвалился, однако начинка оказалась не коричневой, а белой.

– Конфета или, может, хлеб... – вздохнул он, с трудом сглатывая слюну.

Белая масса заполнила всю чашку и поползла наружу. Билл схватил ее за кончик и потянул, а она все лезла и лезла, пока в руках у Билла не оказалась цепочка жирных, срощенных друг с другом букв почти в три ярда длиной. Билл поднял гирлянду и прочитал: «Голосуйте за П. Лута – он солдата не обманет!»

Билл откусил огромный кусок «Д», пожевал немного и сплюнул сырые клочья на пол.

– Картон, – мрачно произнес он. – Мама предпочитает покупать все на дешевых распродажах. Даже обезвоженный шоколад...

Билл поднес ко рту чашку, чтобы смыть мерзкий газетный привкус, но она была пуста.

На верхних ступенях власти, где вершатся судьбы людей, кто-то принял решение и издал приказ. Как известно, большое начинается с малого: капля птичьего помета падает на заснеженную вершину горы, катится вниз, понемногу обрастая снегом, ком все увеличивается и увеличивается, пока не превращается наконец в ревущую лавину смерти, безжалостно сметающую все на своем пути и обрушивающуюся на дремлющую у подножия горы деревеньку. Большое начинается с малого... Кто знает, с чего все началось здесь? Пожалуй, боги, но они лишь смеются. Может, какой-нибудь разнаряженной паве, женушке высокопоставленного министра, пришлось по вкусу некая безделушка, и острым язычком она до тех пор пилила супруга-индюка, пока тот, ради собственного покоя, не раздул грудь, не распустил перья и не пообещал эту безделушку купить, а потом и нашел способ раздобыть на это денег. К примеру, шепнул словечко императору – глядишь, и удастся возобновить давно забытую кампанию в секторе семьдесят семь дробь семьдесят один, а одержанные там победы (или даже просто новый призыв, окажись потери достаточно велики) повлекут за собой ордена, награды, деньги... И вот из женской алчности, как из капли помета крошечной птички, разрастается лавина военных событий, поспешно строятся дредноуты, сколачиваются межзвездные армады – так камень, брошенный в воду, вызывает круги, которые все ширятся и ширятся, затрагивая в конечном итоге даже ничтожнейшие микроорганизмы...

– Идем в дело, – объявил Тэмбо, приносившаяся к чашке с ужином. – В жратве полно стимуляторов, болеутолителей, селитры и антибиотиков.

– Так вот почему все время играют патриотическую музыку! – проорал Билл, силясь перекрыть рвущиеся из динамиков рев труб и грохот барабанов.

Тэмбо кивнул:

– Самая пора позаботиться о душе и обеспечить себе местечко в легионах Самеди...

– Почему бы тебе не поговорить на эту тему с Задницей Брауном? – гаркнул Билл. – У меня твои тамтамы уже из ушей лезут. А взгляну на стены – вижу ангелов на облаках!..

Возьмись за Задницу – всякий, кто занимается с коровками тем, чем он, присоединится к шайке вуду-поклонников, ни секунды не раздумывая.

– Я беседовал с Брауном о его душе, но не уверен в результатах. Он никогда не отвечает, и я не знаю даже, слышит ли он меня. Ты – другое дело, сын мой, ты гневаешься, значит ты сомневаешься, а сомнения – это первый шаг к вере...

Музыка вдруг оборвалась, и уши заложило от внезапной тишины. Затем раздался голос:

– А теперь слушайте все... Внимание, внимание... Через несколько секунд начинаем трансляцию с флагманского корабля – важнейшее сообщение нашего адмирала... Внимание... – Раздались жуткие звуки боевой тревоги, потом они утихли, и голос зазвучал снова: – ... Итак, мы на командирском мостике гигантского покорителя космоса, двадцатимильного, великолепно вооруженного, бронированного супердредноута «Королева фей»... Вахтенные расступаются, прямо ко мне в скромном мундире из платиновых нитей направляется сам великий адмирал флота, его преподобие лорд Археоптерикс... Не уделите ли вы нам минутку, ваша светлость? Чудесно! Теперь вы услышите голос...

Однако из динамиков вырвалась лишь очередная порция бравурной музыки, и предохранительные вновь сосредоточились на созерцании поясков предохранителей. Через некоторое время голос все-таки раздался – сиплый, дребезжащий, слабый, характерный для столпов империи.

– Парни, идем в бой! Наш флот, самый мощный из всех когда-либо виданных Галактикой, направляется напрямик на врага, чтобы нанести ему сокрушительный удар и одержать победу в войне. На голографической карте я вижу неисчислимые светящиеся точки, их так много, что все не охватить единым взглядом. Говорю вам – будто дырки в одеяле! Не корабль, не эскадрилья, а целый флот! Мы стремительно приближаемся...

Застучали тамтамы, и на месте пояска предохранителя, за которым наблюдал Билл, появились золотые врата.

– Тэмбо! Прекрати! Я хочу послушать про битву!

– Глупости! – фыркнул Тэмбо. – Лучше воспользуйся оставшимися тебе минутами, чтобы встать на путь спасения! Никакой это не адмирал, а магнитофонная запись. Я слышал ее уже пять раз – перед каждым сражением, когда ожидаются особо тяжелые потери. Ее запускают для поднятия духа. И вообще, адмирал тут ни при чем, эту чушь переписали с какой-то древней телепередачи...

– Ага! – заорал Билл и бросился вперед. Предохранитель перед самым его носом перегорел: из зажимов сверкнули искры, а поясок мгновенно переменял цвет с красного на черный.

– Ух! – вскрикнул Билл, потом снова, с короткими интервалами: – Ух! Ух! Ух! – обжигая руки о раскаленный предохранитель, роняя его себе на ногу и наконец спихивая цилиндр в отверстие в полу. Когда он повернулся, Тэмбо вставлял в зажимы новый предохранитель.

– Это был мой предохранитель! – На глазах у Билла показались слезы. – Ты не имел права!

– Прости. Но согласно уставу я обязан помочь, если сам не занят.

– Ладно, по крайней мере, мы в деле, – проворчал Билл, приняв исходную позицию и поглаживая отдаленный палец на ноге.

– Пока нет, здесь еще холодно. Предохранитель перегорел потому, что был старым, по разряду видно.

– ...непобедимая армада с незнающими поражения солдатами на борту...

– Но ведь могли быть и в деле, – обиженно надулся Билл.

– ...рев атомных двигателей и огневые следы мчащихся к цели торпед...

– А вот теперь, кажется, уже. Вроде теплее стало, а, Билл? Давай-ка разденемся; когда начнется бой, будет не до того.

– Живо, живо, догола! – покрикивал предохранительный первого класса Сплин, прыгая, как газель, вдоль рядов керамических цилиндров. На нем были только грязные носки и наколотая татуировка воинского звания в виде похабной интерпретации предохранителя. Раздался треск. Билл почувствовал, как коротенькие, едва успевшие отрасти волосы дыбом встали на его голове.

– Что это? – ахнул он.

– Вторичный разряд вон той группы предохранителей, – указал Тэмбо. – Сведения, разумеется, совершенно секретные, но вроде это означает, что один из защитных экранов находится под воздействием очень сильного излучения. При перегрузке цвета спектра меняются: зеленый, голубой, фиолетовый, наконец, черный, и экрану каюк.

– Паршиво...

– Это только сплетни. Говорю же, информация засекречена...

– ВНИМАНИЕ!

Мощный удар расколол спертый воздух, и целый ряд предохранителей сверкнул разрядами. Один из них разорвался, остальные почернели и задымились. Солдаты бросились вперед, меняя предохранители потными руками, работая почти на ощупь в густых клубах дыма. На миг наступила тишина, и тут же пронзительно заверещал звонок на пульте связи.

– Сукина задница! – выразительно пробормотал Сплин и понесся к пульта, пинком отшвыривая попавшийся под ноги предохранитель.

Китель его висел рядом на крюке, и прежде чем нажать кнопку «Прием», он поспешно натянул его. К тому времени как экран засветился, последняя пуговица на мундире была застегнута. Сплин отдал честь, следовательно, к нему обращался офицер. Билл стоял сбоку и экрана не видел, но доносившийся голос звучал визгливо и капризно, да и вообще складывалось впечатление, что у говорящего слишком много зубов и совсем нет подбородка, а это, между прочим, было одним из признаков офицера.

– Не торопиться отвечать, предохранительный первого класса Сплин! Возможно, предохранительный второго класса будет проворнее?

– Сжальтесь, сэр, умоляю, я несчастный старик... – Сплин рухнул на колени и, естественно, исчез с экрана.

– Встань, идиот! Вы уже отремонтировали предохранители после последней перегрузки?

– Мы их заменяем, сэр, а не ремонтируем...

– Молчать, свинья! Меня эти мелочи не интересуют. Отвечай прямо: да или нет?

– Все в порядке, сэр. Готовность – зеленый. Никаких жалоб, ваша милость.

– Ты почему не по форме одет?

– По форме, сэр! – заскулил Сплин, придвигаясь ближе к экрану, чтобы его голая задница и дрожащие конечности не попали в поле зрения телекамеры.

– Не смей лгать! У тебя на лбу пот, а в мундире потеть не разрешается! Посмотри – разве я потею? А ведь я еще и в фуражке, и фуражка надета под предписанным углом! Ладно, на сей раз прощаю, у меня мягкое сердце. Можешь идти.

– Задница неумытая! – во весь голос проревел Сплин, отводя душу, и сорвал с себя китель. Температура достигла ста двадцати градусов и продолжала подниматься. – На мостикетто кондиционеры стоят, и куда, по-вашему, они отводят тепло? Да сюда! УААА-ЯАААА!

Два ряда предохранителей выстрелили одновременно, три предохранителя разорвались, как бомбы. В тот же миг под ногами отчетливо дрогнул пол.

– У нас большие неприятности! – закричал Тэмбо. – Если уж не выдержало статическое поле, то корабль в любой момент может раздавить в лепешку. А вот еще!..

Он кинулся к зажимам, выбросил сгоревший предохранитель и вставил на его место запасной.

Это был суший ад. Предохранители рвались шрапнелью, рассекая воздух осколками керамической смерти. Сверкнула молния, вспыхнула дуга короткого замыкания между распределительным щитом и стальной палубой, и тут же раздался нечеловеческий (к счастью, короткий) вопль солдата, оказавшегося на ее пути. Густой дым клубился по полу, поднимаясь постепенно все выше, пока в конце концов полностью не затянул все вокруг. Билл выдернул из зажимов остатки перегоревшего предохранителя и прыгнул к стеллажу за запасным. Схватил девяностофунтовый цилиндр непослушными руками, повернулся, и тут Вселенная взорвалась...

Все оставшиеся предохранители сгорели одновременно, и воздух с треском разорвала ослепительная молния. В краткий, но, казалось, нескончаемый миг Билл увидел, как огонь прошел шеренгу солдат, расшвыривая их по сторонам и испепеляя, будто частички пыли в жадном пламени. Тэмбо зашатался и рухнул грудой обугленной плоти. Летящий кусок стали рассек предохранительного первого класса Сплина от шеи до паха, вывернув внутренности из чудовищной раны.

– Во дырища-то! – заорал Задница Браун и тут же дико взвизгнул, когда накотившийся огненный шар превратил его в почерневший огрызок.

По счастливой случайности, когда ударила волна огня, Билл держал перед собой массивный керамический цилиндр. Пламя лизнуло только руку, с внешней стороны прижимавшую предохранитель к груди, отбросило его к стеллажу и распластало на раскаленной палубе, а само буйствовало буквально в нескольких дюймах над его головой. Потом, так же внезапно, как началось, все стихло, и остались лишь дым, жар, смрад горелого мяса, разрушение и смерть, смерть, смерть. Билл с трудом дополз до люка, и это движение было единственным в мертвом, выжженном помещении.

На нижней палубе царила такая же жара, а воздух был так же лишен живительного кислорода, как и там, откуда ему удалось выбраться. Билл упорно двигался вперед, почти не сознавая, что ползет на израненных ногах и одной окровавленной руке. Другая висела плетью, изувеченная и почерневшая, и только благодаря благословенному шоку он не выл от невыносимой боли.

Он все полз и полз – через порог... в коридор... Здесь воздух был чище и значительно прохладнее; Билл привалился к стене, глубоко вдыхая спасительную свежесть. Отсек показался ему знакомым и в то же время незнакомым. Длинное узкое помещение с выгнутой стеной, из которой торчали казенники гигантских орудий... Ну конечно, батарея главного калибра! Это ее так старательно фотографировал чинджеровский шпион Усер. Теперь, правда, все выглядело иначе: потолок, покрытый вмятинами и трещинами, заметно приблизился к полу, словно снаружи по нему ударили чудовищным молотом. У ближайшего орудия в кресле наводчика скрючился какой-то солдат.

– Что произошло? – спросил Билл, трогая солдата за плечо. Артиллерист свалился с кресла, как сухой лист: он весил не больше нескольких фунтов. Пергаментное лицо сморщилось, словно во всем теле не осталось ни капли воды.

– Дегидратирующий луч! – ахнул Билл. – А я-то думал, что такое только в кино бывает!

Кресло казалось мягким и удобным, во всяком случае, привлекательнее покоренной стальной палубы. Билл занял освободившееся место и мутными глазами уставился на экран. По нему двигались маленькие разноцветные точки.

Прямо над экраном крупными буквами было напечатано: «Наши корабли зеленые, вражеские – красные. Не забывай, пойдешь под ТРИБУНАЛ!»

– Не забуду, – пробормотал Билл и начал заваливаться в кресле. Чтобы удержаться, он ухватился за какой-то рычаг, и на экране появился светящийся кружок с перекрестьем. Интересно! Билл навел кружок на зеленую точку, потом вспомнил что-то о трибунале. Тогда он еще раз пошевелил рычагом, и в кружке оказалась красная точка. На рычаге была какая-то красная

кнопка, и Билл нажал ее, потому что такие кнопки прямо-таки созданы для того, чтобы их нажимать. Оружие издало тихое «пф-ф», и красная точка на экране погасла. Нет, неинтересно, решил Билл и выпустил рычаг.

– Ну и воинственный же придурок! – донесся слабый голос.

Билл нашел в себе силы оглянуться. За его спиной стоял тип с оборванными золотыми галунами.

– Я видел! – выдохнул он, покачнувшись. – До самой смерти не забуду! Воинственный придурок! Какие нервы! Неустрашимый! Вперед на врага, корабль не сдастся...

– Ты что плетешь? – прохрипел Билл.

– Герой! – воскликнул офицер и хлопнул его по плечу. Сознание и так еле-еле держалось в Билле; вспышка боли от этого хлопка переполнила чашу его терпения, и оно удалилось на покой. Билл отключился.

8

– Ну, будь паинькой и выпей обед, как подобает настоящему солдату...

Теплый голос проник в отвратительный кошмар, и Билл с радостью воспользовался предложением, чтобы проснуться. С нечеловеческим усилием он разлепил веки. Смутная сперва картинка сфокусировалась, и на подносе появилась чашка. Поднос держала белая рука. Рука переходила в белое же предплечье, которое, в свою очередь, выросло из белого халата. Халат распирала полноценная женская грудь. Зарывав как зверь, Билл отбросил поднос и кинулся на халат. Увы! Его левая рука покоилась в каком-то коконе и висела на растяжках, так что он, все еще издавая нечленораздельные звуки, только завертелся в постели, словно прищипленный булавкой жук. Медсестра пронзительно взвизгнула и убежала.

– Приятно видеть тебя полным сил, – сказал врач и отработанным ударом зафиксировал Билла на месте, одновременно парализовав его правую руку приемом дзюдо – Сейчас я налью тебе обед, и ты его немедленно выпьешь, а потом мы разрешим тебе пообщаться с приятелями. Они дожидаются снаружи.

Рука начала слушаться, и Билл взял чашку.

– Какие приятели? Какое общение? Что вообще здесь происходит? – недоумевал он в промежутках между глотками.

Дверь открылась, и в палату вошли солдаты. Билл искал среди них привычные лица, но видел лишь бывших сварщиков и незнакомцев. Потом вспомнил.

– Задница Браун изжарился! – закричал он. – Тэмбо сварился! Сплина выпотрошило! В живых не осталось никого!

Он нырнул под одеяло и душераздирающе застонал.

– Не годится герою так себя вести, – укоризненно произнес врач, вытаскивая его на подушки и поправляя одеяло. – Ты герой, солдат! Твое мужество, находчивость, боевой дух и снайперская меткость спасли корабль. Защитные поля вышли из строя, машинное отделение было разрушено, артиллеристы перебиты, управление потеряно, вражеский крейсер уже готовился нанести смертельный удар, когда ты, словно ангел мщения, раненый, истекающий кровью, из последних сил произвел один-единственный залп, который разбил неприятеля и спас «Фанни Хилл», «гранд-даму» нашего флота. – Врач протянул Биллу листок бумаги. – Сам понимаешь, это цитата из официального рапорта. Лично я считаю, что тебе повезло.

– Вы просто завидуете, – хмыкнул Билл. Он уже начал вживаться в образ.

– Не строй из себя психоаналитика! – закричал врач, но тут же жалобно всхлипнул: – Я всегда хотел быть героем, а в результате обхаживаю их на задних лапках... Ладно, снимаем бинты.

Он освободил левую руку Билла от растяжек и начал разматывать бинт. Солдаты тесным кругом обступили постель и, затаив дыхание, наблюдали.

– Что с моей рукой, доктор? – Билл внезапно заволновался.

– Поджарилась, как отбивная. Пришлось ее отрезать.

– Тогда *это* что?! – в ужасе вскричал Билл.

– Другая рука, пришитая. Их после битвы осталось знаешь сколько? Потери личного состава – сорок два процента, так что я только и делал, что резал и шил, поверь на слово.

Исчез последний слой бинта, и солдаты в восхищении заахали:

– Какая прекрасная рука!

– Пошевели-ка пальцами!

– И чертовски красивый шов у плеча – смотри, какие стежки аккуратные!

– Мускулистая, логичная – не сравнить с той щепкой, что у него с другой стороны!

– Да, и длиннее, и темнее... Прелестный оттенок кожи!

– Это рука Тэмбо! – взвизгнул Билл. – Уберите ее!

Он шархнулся в сторону, однако рука последовала за ним. Его вновь уложили на подушки.

– Счастливчик ты, Билл, такая лапища досталась, да к тому же еще и от дружка!

– Он бы тебе все отдал!

– Теперь память о нем будет...

Рука и в самом деле была неплохая. Билл наклонился и пошевелил пальцами, подозрительно приглядываясь. Действует! Он стиснул руку ближайшего солдата, да так, что тот скорчился от боли, когда затрещали кости. Потом Билл присмотрелся внимательнее и заорал:

– Костоправ несчастный! Ветеринар! Славная работка, нечего сказать... Это же правая рука!

– Ну и что?

– А то, что отрезал ты левую! Теперь у меня две правые.

– Просто левые кончились. Я же не волшебник! Стараешься изо всех сил, а в ответ слышишь одну брань... Скажи спасибо, что не пришел тебе ногу. – Он злорадно ухмыльнулся. – Или еще что-нибудь...

– Это и впрямь хорошая рука, Билл, – заверил солдат, растиравший свою ладонь. – Тебе здорово повезло. Теперь ты можешь отдавать честь любой рукой, больше никто на это не способен.

– Верно, – произнес Билл. – Я и не подумал... Мне действительно повезло.

Он попробовал: локоть его левой правой руки подпрыгнул вверх, и пальцы замерли точно в полудюйме от виска. Солдаты щелкнули каблуками и отдали ему честь. Тут дверь распахнулась, и в палату просунул голову офицер:

– Вольно, вольно... Старик желает нанести неофициальный визит.

– Сюда идет капитан Зекиаль!

– Я никогда еще его не видел!

Солдаты расщебетались, как птички, и занервничали, словно девственницы перед обрядом дефлорации. В палату вошли еще три офицера, и наконец санитар ввел десятилетнего идиота в капитанском мундире и со слюнявчиком.

– Бе-е-е... Пливет, лебята! – просюсюкал капитан.

– Капитан приветствует собравшихся, – кратко перевел первый лейтенант.

– Это тот, в кловатке?

– Особенно сердечно капитан желает приветствовать нашего героя.

– Э-э... чего-то еще, но я позабыл...

– Кроме того, капитан желает сообщить отважному воину, спасшему наш корабль, что ему присвоено высокое звание предохранительного первого класса, каковой чин автоматически

ски продлевает срок службы на семь лет, а также что немедленно после выписки из госпиталя он должен отправиться первым же доступным транспортом на имперскую планету Гелиор, чтобы из рук самого императора получить орден Пурпурного дротика и почетную Звезду туманности Угольный Мешок.

– Я хочу пи-пи...

– А теперь неотложные дела призывают капитана на мостик. Примите его самые теплые пожелания!

– ...Не молод ли наш Старик для своего поста? – поинтересовался Билл.

– Есть и моложе, – отмахнулся врач. Он искал иглу потупее, чтобы сделать Биллу укол. – Не забывай, все капитаны – члены аристократических семейств, а даже самой многочисленной аристократии не хватает на галактическую империю. Приходится довольствоваться тем, что есть.

Врач нашел погнутую иглу и насадил ее на шприц.

– Ну хорошо, молодой так молодой. Но не слишком ли он глуп для такой работы?

– Берегись, паршивец, так ты и на его величество замахнешься!.. Возьми двухтысячелетнюю империю, скрещивай аристократию только между собой, поощряй рецессивные гены и врожденные дефекты – и получишь такую публику, что любому клиенту психушки до нее далеко! Видел бы ты капитана прежнего моего корабля...

Врач содрогнулся и злобно воткнул в Билла бракованную иглу. Билл взвизгнул и с тоской поглядел на сочащуюся из дыры кровь.

Потом дверь закрылась, и Билл остался один, перед голой стеной и туманным будущим. Предохранительный первого класса – это хорошо. Однако дополнительные семь лет службы – это плохо. Билл пал духом. Потянуло почесать языком со старыми друзьями, но затем ему пришло в голову, что все они погибли, и дух его пал еще ниже. Билл хотел приободрить себя, да не мог найти подходящего повода, пока не вспомнил, что он может сам с собой обмениваться рукопожатием. Это обстоятельство его несколько развлекло.

Он лежал в пустой палате и пожимал себе руку. А потом заснул.

Часть вторая

1

Носовой отсек космического челнока был выполнен в виде гигантского иллюминатора из специального армированного стекла, за которым клубились мчащиеся навстречу облака. Развалившись в противоперегрузочном кресле, Билл любовался величественным зрелищем. Челнок мог вместить двадцать пассажиров, но сейчас здесь было всего трое солдат. Билл старался не смотреть слишком часто на сидевшего рядом артиллериста первого класса. Выглядел он так, словно им самим стреляли из пушки. Лицо с единственным глазом, налитым кровью, было почти целиком пластмассовое, хитросплетение блестящих поршней, проволочных тяг и электронных датчиков заменяло ему четыре отсутствующие конечности, а знаки различия и погоны были приварены прямо к металлическому каркасу, выполняющему функцию грудной клетки. Третий пассажир, коренастый сержант-пехотинец с бандитской рожей, плюхнувшись в кресло, моментально захрапел.

– Ух ты! – воскликнул Билл. Челнок пронзил последний слой облаков, и над ним засверкал золотой шар Гелиора, столицы империи десяти тысяч солнц.

– Вот так альбедо! – прокаркал из глубин своей пластиковой физиономии артиллерист. – Аж глаз режет!

– Еще бы! Планета, покрытая чистым золотом, представляешь?

– Нет, не представляю. И не верю. Слишком дорого получилось бы. Но я запросто могу представить себе планету, закатанную в анодированный алюминий.

Приглядевшись внимательнее, Билл убедился, что это и в самом деле совсем не золото. Настроение снова упало. Ну и пусть не золото! Зато могущество и слава неподдельные! Гелиор всегда был и будет имперской планетой, недремлющим, всевидящим оком Галактики. Сюда стекались донесения обо всем, что происходило на каждом корабле, и вся эта информация классифицировалась, кодировалась и вводилась в компьютеры. Гелиор решал судьбы целых цивилизаций и сдерживал мерзкие поползновения агрессоров. Это была планета, абсолютно покоренная человеком: моря, горы и континенты покрылись безудержно разрастающимся многоэтажным, а население Гелиора посвящало свою жизнь одной лишь цели – могуществу, власти. Сверкающая поверхность верхнего уровня была сплошь усыпана огнями космических кораблей самых разных размеров, а темное небо искрилось огоньками уже стартовавших или ожидающих посадки. Изображение неумолимо увеличивалось... Вдруг резко сверкнула вспышка, всех ослепившая, и все исчезло.

– Полундра! – взревел Билл. – Нам крышка...

– Заткнись. Просто порвалась пленка. На борту нет ни одной важной шишки, поэтому им, конечно же, не захочется чинить...

– Пленка?..

– А ты что думал? Какой псих станет строить паром с большими окнами на носу, где максимальное трение об атмосферу? Это кино. Проектор. Чтобы мы знали, что садимся ночью.

При посадке пилот лихо сделал пятнадцать «же» – он также был информирован, что на борту ни единой важной шишки нет. Когда пассажиры вправили сдвинутые шейные позвонки и вернули глазам привычную возможность видеть, шлюз с шипением раскрылся. На самом деле стояла ночь, к тому же хлестал дождь. В дверях появилась профессионально улыбающаяся физиономия стюарда второго класса.

– Добро пожаловать на Гелиор! Тысячи незабываемых впечатлений ожидают... – Тут на его лицо вернулось естественное презрительное выражение. – Вы что, без офицера? Вытряхивайтесь поживее, нам нужно придерживаться расписания.

Никто не прореагировал на его слова, и он решительно полез расталкивать храпящего, как испорченная турбина, сержанта-пехотинца; такой пустяк, как пятнадцатикратная перегрузка, не смог потревожить молодецкий сон бравого воина. Завязалась возня, могучий храп перешел в басовитое урчание, но тут же его заглушил пронзительный визг стюарда, схлопавшего пинок под зад. Не переставая урчать, сержант со своими попутчиками спустился на скользкую поверхность посадочной площадки. Кое-как установили артиллериста на разъезжающиеся металлические ноги, после чего Билл печально проводил взглядом свой узелок, вышвырнутый из багажного отделения в самую середину глубокой лужи. На прощание мстительный стюард выключил силовое поле, защищавшее их от дождя, и все трое моментально промокли до нитки и продрогли до костей на ледяном ветру. Сержант и Билл, забросив свои пожитки на плечи (артиллерист свой багаж покатыл за собой на колесиках), направились к ближайшим огням, мерцавшим за густой пеленой дождя не далее чем в какой-нибудь миле. На полпути у артиллериста случилось короткое замыкание в конечностях, и он застыл на месте, как фонарный столб. Пришлось прикрепить колесики к его ногам, а багаж взвалить на него сверху.

– Вот те на, получилась неплохая ручная тележка, – вздохнул артиллерист.

– Не дрейфь! – гаркнул сержант. – Зато на гражданку вернешься с отличной профессией! Открыв пинком дверь, они ввалились в упоительно теплую канцелярию.

– У вас не найдется бутылочки растворителя? – обратился Билл к человеку за конторкой.

– Документы! – потребовал чиновник, игнорируя просьбу Билла.

– У меня есть бутылка в рюкзаке, – проскрипел артиллерист.

Билл, швырнув чиновнику бумаги (документы артиллериста были приколоты к его груди), полез копать в рюкзаке. Чиновник бросил бумаги в огромную машину, что стояла за его спиной; та принялась гудеть и мигать лампочками, а Билл тем временем тщательно промыл растворителем все контакты артиллериста, удаляя с них влагу. Наконец прозвенел звонок, машина выплюнула их документы и, громко стрекоча, стала выдавливать из себя узкую длинную перфоленту, испещренную печатными символами. Поспешно подхватив ленту, чиновник стал читать.

– Ну и влипли вы, ребята... – проговорил он с нескрываемым сарказмом. – Все трое должны получить ордена Пурпурного дротика из рук самого императора. Церемония начнется через три часа и будет сниматься на пленку. Ни малейшего шанса поспеть у вас нет.

– Не твое собачье дело, – рявкнул сержант. – Куда нам идти?

– Область тысяча четыреста пятьдесят семь-Д, уровень К-девять, блок восемьсот двадцать три – семь, коридор четыреста девяносто два, ячейка ФЛМ – тридцать четыре, кабинет шестьдесят два, спросить продюсера Крыссу.

– Как нам туда добраться? – задал вопрос Билл.

– Не знаю и знать не желаю. – Чиновник водрузил на стойку три внушительных тома в фут высотой и столько же толщиной. К корешку каждого из них была прикреплена металлическая цепь. – Ищите сами. Вот ваши планы, распишитесь в получении. Утрата плана является тяжким государственным преступлением и карается по закону воен...

Канцелярист вздрогнул, внезапно сообразив, что остался наедине с тремя ветеранами, прошедшими огонь, воду и медные трубы. Поблуднев как мел, чиновник потянулся к красной сигнальной кнопке, но прежде чем он успел осуществить задуманное, мощный металлический манипулятор артиллериста пригвоздил его руку к стойке.

Сержант нагнулся к нему, так что они практически соприкоснулись лбами, и тихим голосом, от которого в жилах стыла кровь, проговорил:

– Ты нам поможешь. Ты дашь нам поводыря!

– Поводыри только для офицеров... – попытался возразить чиновник, но стальной палец артиллериста ткнул его в живот, заставив беззвучно разевать рот.

– Считай, что перед тобой офицеры, – продолжал сержант, – мы не возражаем...

В страхе клацая зубами, чиновник вызвал поводыря. В стене напротив распахнулась дверца, и выкатился поводырь – нечто металлическое, отдаленно напоминавшее собаку с проволочным хвостом и шестью резиновыми колесиками.

– Ко мне, барбос, – поманил его сержант.

Поводырь устремился к нему, выдвинул красный пластиковый язык, после чего издал звук, надо полагать имитирующий дыхание. Сверяясь с бумажной лентой, сержант набрал код на клавиатуре, венчающей голову поводыря: 1457-Д, К9, 823–7, 492, ФЛМ-34, 62. Красный язык втянулся в пасть, хвост завилал, поводырь дважды тявкнул и покатился по коридору. Не теряя времени, ветераны последовали за ним.

По дороге они пользовались лифтами, подъемниками, эскалаторами, пневмокарами, монорельсами, движущимися тротуарами и колесным транспортом, не брезгуя также перемещением пешим порядком. В пути воины пристегнули цепочки планов к своим ремням, так как без них обходиться в этом огромном городе было совершенно невозможно.

Уже через час они оказались у двери под номером 62. Поводырь трижды тявкнул и удрал, прежде чем его успели схватить.

– Еще бы он не пошевеливался, – проворчал сержант. – Эта штуковина здесь на вес золота.

Толкнув дверь, они вошли в кабинет. За письменным столом сидел толстый человек и, брызжа слюной, орал в трубку видеофона:

– Хватит кормить меня байками! Знать ничего не желаю! Я должен выполнить работу, у меня камеры заряжены давно, а вы тут... – Увидев вошедших, толстяк сорвался на визг: – Вон! Вон! Вы что, не видите, я занят!

Сержант сбросил видеофон на пол и растоптал его на мелкие дымящиеся кусочки.

– Довольно непосредственная манера привлекать внимание, – сказал Билл.

– После двух лет на фронте станешь непосредственным. – Сержант заскрежетал зубами: – А вот и мы, Крысса! Что дальше?

Продюсер Крысса, пиная усеявшие пол обломки, пересек комнату и распахнул дверь в зал.

– Внимание, по местам! – закричал он. – Свет!

Все пришло в движение. Через минуту включились мощные софиты. Представленные к награде ветераны вступили в просторный павильон, кишачий людьми. Вокруг сновали камеры на тележках. Кое-как укрепленные декорации изображали императорский тронный зал. Искусственное солнце ярко светило сквозь окна с витражами, из узконаправленного софита на трон падал золотой луч. Толпа придворных и высшего генералитета, подгоняемая проклятиями режиссера, заняла свои места по обе стороны трона властелина.

– Он обозвал их идиотами, – прошептал потрясенный Билл. – Его расстреляют!

– Ну и дурень, – усмехнулся артиллерист. Потом вытянул провод из правой ноги и включил вилку в розетку на стене – аккумуляторы у него здорово подсели. – Это все актеры. Откуда им взять настоящую аристократию для подобной ерунды?

– До прибытия императора успеем прогнать только один раз, поэтому никаких ошибок! – Крысса взобрался по ступеням и плюхнулся на трон. – Я работаю за импа! Эй, придворные, у вас все проще простого, не дай вам бог что-нибудь запороть! На дубли нет времени. Становитесь здесь. Когда я скажу «Мотор!», вытягивайтесь по струнке, как вас учили, а если не сумеете, значит плакали ваши денежки. Эй, ты, слева, ну ты, железяка, вырубай свои идиотские моторчики, ты испортишь фонограмму! Только попробуй звякнуть, я тебе устрою сдвиг по

фазе! Эй, вояки! Ждите, пока вас вызовут, затем шаг вперед – и «смирно»! Император прикалывает медаль, отдаете честь – и шаг назад. Все ясно? Или для ваших жалких мозжечков это слишком сложно?

– Вы бы лучше все это пропели, – посоветовал ему сержант.

– Ужасно смешно. Ну, поехали!

Они дважды успели прорепетировать ход церемонии, как вдруг загремели фанфары. На сцену строевым шагом выступили шесть генералов, полукругом выстроились перед тронем и взяли «на караул». Техники, операторы, даже продюсер Крысса – все склонились в глубочайшем поклоне, а ветераны вытянулись по стойке смирно. Император, шаркая ногами, медленно поднялся по ступеням и грузно повалился на трон.

– Продолжайте, – произнес он скучающим голосом и рыгнул, прикрывшись ладошкой.

– Мотор! – завопил режиссер и торопливо убрался из кадра.

Бравурная музыка ударила могучей волной, и церемония началась. Офицер, выполняющий обязанности церемониймейстера, зачитал описание славных подвигов, совершенных героями, кои ожидали вручения почетнейшей из наград – ордена Пурпурного дротика и почетной Звезды туманности Угольный Мешок. Император поднялся с трона и величественно направился к ветеранам. Первым стоял сержант-пехотинец. Не смея пошевелинуться, Билл краем глаза наблюдал, как император извлекает из подсунутой ему коробочки орден, сделанный из золота, серебра, рубинов и платины, и прикалывает его к груди воина. Сержант отдал честь и шагнул назад. Наступила очередь Билла. Громовой торжественный голос провозгласил его имя, и Билл выступил на шаг вперед, вложив в это движение всю выучку, приобретенную в учебном лагере имени Льва Троцкого. Он стоял лицом к лицу с самым обожаемым человеком во всей Галактике! Длинный мясистый нос, украшающий миллиарды банкнот, целился прямо в Билла, лошадиная челюсть с торчащими как попало зубами, знакомая миллиардам телескопов, двигалась, произнося его имя, а один глаз в упор смотрел на него (второй глаз императора косил в сторону продюсера). Взволнованный торжественностью момента, Билл отдал честь так красиво, как только сумел.

Видит бог, это был прекраснейший из всех возможных салютов: ведь не так уж много людей с двумя правыми руками! Обе верхние конечности Билла одновременно взметнулись кверху, оба локтя зафиксировались под уставным углом, обе ладони застыли у висков. Это было сделано настолько мастерски, что пораженный император сумел побороть косоглазие, сосредоточив на Билле взор обоих глаз. Но это длилось всего какое-то мгновение, после чего глаза его величества вновь разошлись в разные стороны. Все еще немного ошарашенный, он достал из коробочки орден и навесил его на Билла, причем булавка ордена впилась ветерану в грудь на всю длину.

Билл не почувствовал боли, но укол подействовал на него как сигнал к проявлению накопившихся эмоций. Он пал на колено в старом добром феодальном стиле, как актер в телешоу, и схватил скрюченную подагрой и усеянную пигментными пятнами длань императора.

– Отец наш! – воскликнул Билл и впился сыновним поцелуем в руку властелина.

Генералы тут же бросились на него, и мгновение Билл находился на волосок от смерти, но его величество лишь усмехнулся и обтер обслонявленную руку о мундир Билла. Чуть заметного движения пальцем было достаточно, чтобы вернуть генералов на свои места. Император подошел к артиллеристу, пришил ему оставшийся орден и отвернулся.

– Все, закончили! – закричал продюсер Крысса. – Фрагмент с этим верноподданническим поцелуем можно не вырезать, получилось вполне естественно!

Сквозь слезы умиления Билл увидел, что император, вместо того чтобы возвратиться на трон, смешался с гомонящей толпой актеров. Генералы куда-то исчезли. Билл заморгал, не веря собственным глазам: какой-то техник сорвал с головы императора корону, засунул ее в картонный ящик и куда-то убежал.

– Черт возьми, опять руку заклинило! – выругался артиллерист. – Дерни посильнее, ладно? Постоянно она заедает, как только поднимешь повыше...

– Но как же... его величество... он же... – заблеял Билл, пытаясь сдвинуть металлическую конечность товарища. Плечевой сустав неприятно скрежетнул, и рука встала на место.

– Император? Разумеется, актер! А ты хотел, чтобы настоящий император вручал награды низшим чинам? Ишь, губы раскатал! Но ты был неотразим, приятель!

– Получите! – Какой-то человек вручил им штампованные копии орденов и отобрал оригиналы.

– По местам! – снова раздался громкий голос режиссера. – У нас осталось десять минут, чтобы отснять императрицу и наследника, целующих детей в присутствии делегации септулетов с Альдебарана по случаю Часа Плодородия. Давайте сюда этих пластиковых детишек и гоните в шею проклятых зевак!

Героев вытолкали в коридор, дверь за ними захлопнули и закрыли на ключ.

2

– Устал, – вздохнул артиллерист, – к тому же у меня разболелись ожоги.

Во время утех в солдатском бардаке из-за короткого замыкания в корпусе под ним загорелся матрас.

– Ерунда! – Билл стоял на своем. – У нас на Гелиоре всего три дня! Только подумай, какие чудеса нас ждут! Висячие сады! Радужные фонтаны! Рубиновые дворцы! Как можно отказываться от этого?

– Посмотри, на кого я похож! Я смертельно хочу спать. Сначала выплюсь, а потом вернусь в веселый дом. А если тебя обязательно нужно водить за ручку, возьми сержанта!

– Он же в стельку пьян!

Сержант-пехотинец был пьяница-одиночка. Он не понимал людей, транжирящих деньги на разноцветные бутылки с сильно разведенным содержимым. Всю свою наличность он пустил на подкуп некоего фельдшера, снабдившего его двумя бутылками чистого спирта, банкой раствора глюкозы с физиологической солью, иглой и резиновой трубкой. Бутылку с глюкозо-спиртовой смесью подвесили над его кроватью и трубкой соединили с иглой, которую воткнули ему в вену. Теперь бравый сержант лежал пластом под этой капельницей, обеспеченный прекрасным питанием и пьяный в дым. Если ничто не нарушит равномерности подачи содержимого бутылки, у него есть шансы находиться в состоянии сытости и алкогольного опьянения года два с половиной.

Наведя последний глянец на ботинки, Билл спрятал щетку в тумбочку и запер ее на случай, если придется вернуться позже обычного, так как без повода здесь можно элементарно заблудиться. От студии до казармы им пришлось добираться почти целый день, несмотря на то что вел их опытный сержант, который знал о картах все, что только можно о них знать. Если не уходить слишком далеко от казармы, проблем не возникало, но Билл не мог довольствоваться развлечениями, уготованными солдату, прибывшему с фронта. Ему страшно хотелось увидеть то, что можно увидеть только на Гелиоре. Самый чудесный город во всей Галактике! Если ему не желают составить компанию, пусть катятся к черту! Он и сам пойдет!

Даже располагая картами Гелиора, определить расстояние до какого-нибудь объекта было почти невозможно, так как карты и планы верстались весьма приблизительно, к тому же нигде не был проставлен масштаб. Путешествие, которое намеревался совершить Билл, вполне могло затянуться – трасса вакуумно-магнитного транспортного средства пролегла через восемьдесят четыре страницы плана. Его цель могла находиться на другой стороне планеты! Да, трудно себе представить город величиной с планету. Поразмыслив, Билл пришел к выводу, что это вообще невозможно себе представить.

Не одолев и полпути, Билл обнаружил, что весь его запас сэндвичей иссяк. Желудок, успевший привыкнуть к регулярному питанию, начал так громко напоминать о себе, что в конце концов в области 9266-Л на бог весть каком уровне Билл вышел из вагона и отправился на поиски столовой. Судя по всему, он оказался в Машинописном районе – толпы сутулых женщин с длинными сильными пальцами заполняли все коридоры. Единственная столовая, которую ему удалось разыскать, была ими переполнена. С трудом найдя себе место, Билл принялся сражаться с пищей. Здесь подавали бутерброды с сосисочным фаршем и заскорузлым сыром, томатный сок с изюмом и луком и малюсенькую чашечку чуть теплого травяного чая. Все это было не так уж и плохо, если бы автомат-раздатчик не поливал блюда растопленными сливочными тянучками. В визгливо гомонящем зале никто из девушек не обратил на присутствие Билла ни малейшего внимания. Все они работали под легким гипнозом, вследствие чего делали меньше опечаток. Озираясь по сторонам, Билл поглощал пищу, в то время как его соседки тараторили без умолку, бессознательно выстукивая пальцами по краю стола все, что произносили. В конце концов Билл, совершенно деморализованный, позорно бежал и в панике совершил ошибку – уселся не в тот вагончик. Номера уровней и блоков повторялись в каждой области, поэтому без всякого труда можно было оказаться черт знает где, а затем угробить уйму времени на блуждание.

Именно это и случилось с Биллом. После бесконечных пересадок с одного вида транспорта на другой он оказался наконец в лифте, который, по расчетам, должен был доставить его к прославленным Висячим садам. Все пассажиры вышли на уровнях ниже, и Билл понесся вверх в полном одиночестве. Во время внезапного торможения он слегка воспарил в воздухе. От резкой смены давления здорово заложило уши. Раскрылась дверь, и Билл вышел, неожиданно очутившись посреди снежной метели.

От изумления у него отвалилась челюсть. Тем временем автоматическая дверь закрылась, и лифт исчез.

Билл стоял на металлической равнине, образующей верхний ярус города. Свистопляска кружащихся снежных хлопьев окутывала его со всех сторон. Билл на ощупь стал искать кнопку вызова лифта, как вдруг резкий порыв ветра сдул куда-то весь снег, с безоблачного неба брызнул яркий солнечный свет, и стало тепло. Это было невозможно!

– Это совершенно невозможно! – громко возмутился Билл.

– Нет ничего невозможного, если таково мое желание, – раздался скрипучий голос за спиной Билла. – Ибо я есть Дух Жизни.

Билл взбрыкнул, что твой конь, подпрыгнул, повернувшись на сто восемьдесят градусов, и лицом к лицу очутился с красноглазым вислоусым человечком. Сморщенный нос незнакомца неприятно подергивался.

– У тебя что, не все дома? – взвизгнул Билл, досадуя, что оказался таким пугливым.

– Свихнешься на такой работенке! – всхлипнул старикашка и утер каплю, болтавшуюся на кончике носа. – То жар, то холод, то льет как из ведра. И постоянно избыток кислорода!.. Я есть Дух Жизни, и имя мое Сила, – затянул он противным голоском.

– Ну и дела... – проговорил Билл, глотая вновь повалившийся снег. – Я и впрямь чувствую...

Но тут сильный порыв ветра снова разогнал тучи, и Билл пораженно замолчал.

До самого горизонта равнину покрывали лужи и сугробы полурастаявшего снега. Золотистое покрытие изрядно пооблупилось, и на обнажившемся грязном металле там и сям виднелись ржавые пятна, а кое-где и внушительных размеров дыры. Толстенные трубы, уходящие куда-то за горизонт, с шипением извергали струи пара и фонтаны снега. Один из гейзеров заколебался и вскоре иссяк.

– Номер восемнадцать пошел! – закричал старичок в микрофон, болтающийся на шее, и, размахивая блокнотом, поскакал в сторону ржавого грохочущего тротуара, идущего параллельно трубам.

Билл устремился вслед за ним, но человечек совершенно перестал его замечать. Стоя на лязгающем трясущемся тротуаре, Билл прикидывал, куда могут вести все эти трубы и что это за таинственные раскаты грома в той стороне, куда они ведут. Через некоторое время из-за горизонта показался строй гигантских космических кораблей, каждый из которых был подсоединен к одной из труб. Человечек неожиданно ловко соскочил с тротуара и помчался к посадочной площадке под номером восемнадцать. Там на головокружительной высоте копошились рабочие – они отсоединяли от корабля толстую трубу. Старичок стал записывать показания счетчиков в блокнот, а Билл загляделся на мощный кран, поднимающий громадный гибкий рукав. Рукав присоединили к муфте на верхушке корабля, и он сразу же завибрировал под воздействием давления изнутри. Через неплотности в соединении вырывались клубы черного дыма; ветер подхватывал их и нес над бескрайней равниной.

– Могу я узнать, что здесь, черт побери, происходит? – жалостливо спросил Билл.

– Жизнь! Вечная жизнь! – взвизгнул старичок, взмывая из глубин психической депрессии к вершинам небывалого воодушевления.

– Нельзя ли немного пояснить?

– Планета заключена в металлический панцирь, – топнул ногой старичок. – Что это означает?

– Это означает, что планета заключена в металлический панцирь.

– Точно. Для рядового ты на редкость сообразителен. В общем, слушай. Берется планета, заковывается в металлический панцирь, и получается мир, где живые зеленые растения можно встретить исключительно в Имперских садах да еще в нескольких балконных ящиках. Что из этого выходит?

– Все помрут, – уверенно ответил Билл. Он хоть и был из деревни, но слышал кое-что о фотосинтезе, хлорофилле и подобных вещах.

– Вот именно. Ты, я, его величество и еще несколько миллиардов других ротозеев усердно трудимся над преобразованием кислорода в двуокись углерода. Если не будет растений, которые преобразуют двуокись углерода обратно в кислород, все мы задохнемся в том, что сами же и выдохнули.

– Так, значит, эти корабли доставляют жидкий кислород?

Старичок кивнул и вспрыгнул на движущийся тротуар. Билл последовал за ним.

– Совершенно верно. На аграрных планетах этого кислорода – завались. Здесь его выгружают, а в освободившиеся резервуары загружают сажу, полученную из двуокиси углерода, и отправляют обратно. Там сажу используют и для отопления, и для удобрения, делают из нее пластик и черт знает что еще...

Билл сошел с тротуара у ближайшего лифта, а старичок со своим скрипучим голосом растворился в налетевшем буране. От избытка кислорода у Билла здорово кружилась голова. Ожидая лифт, он определил свое местоположение при помощи таблички с кодом, укрепленной на стене. Ожесточенно листая свой план, Билл с большими усилиями принялся прокладывать новый маршрут к Дворцовым садам.

На этот раз он не позволил себе расслабиться даже на мгновение. Питаясь исключительно прессованными концентратами и запиная их газировкой из автомата, Билл избежал опасностей, связанных с поисками столовых и пребыванием в них. Умудрившись ни разу не смежить веки, он не прозевал ни одной пересадки. Наконец, со свинцовой тяжестью в голове и с темными кругами под глазами, он, пошатываясь, сошел с гравитационной платформы. Сердце его забилося чаще – прямо перед ним красовалась убранный цветами надпись: «Висячие сады». Вход перегораживал турникет, а в стене справа находилось окошко кассы.

- Один билет, пожалуйста.
- Десять имперских.
- Не так уж и дешево... – робко заметил Билл, отсчитывая купюры из жиденькой пачечки.
- Если беден – не приезжай на Гелиор!

Робот-кассир имел в запасе целую обойму подобных ответов. Пропустив его наставление мимо ушей, Билл прошел в сады.

Здесь было все, о чем он мечтал, и даже больше. Не спеша, Билл прогуливался по усыпанной гравием тропинке; от свеженькой травки и зеленых кустиков его отделяла лишь частая титановая сетка. Не далее чем в ста ярдах, сразу же за травяным газоном, красовались экзотические растения и цветы из всех уголков империи. А вдали... Там, практически различимые невооруженным глазом, били Радужные фонтаны! Опустив монетку в телескоп-автомат, Билл жадно впился взглядом в ярчайшие переливы красок. Изображение было очень качественным – как картинка в телевизоре.

Налюбовавшись властью, Билл зашагал дальше, наслаждаясь теплом искусственного солнца, подвешенного под сводом огромного купола.

Но даже умопомрачительная красота Висячих садов оказалась бессильной перед лицом страшной усталости, впившейся в него мертвой хваткой. К стене, окружающей сады, были прикреплены стальные лавочки. На одну из них Билл и опустился, на секундочку прикрыв глаза. Голова его сразу же упала на грудь, и он мгновенно заснул, даже не успев сообразить, что с ним происходит. Шуршание гравия – мимо прогуливались другие посетители – не мешало ему спать. Не услышал он и того, как один из посетителей сел на лавочку рядом с ним.

Поскольку Биллу не довелось увидеть этого человека, особенно описывать его нет нужды. Достаточно лишь сказать, что у него была землистого цвета кожа, сломанный красный нос и над безумными глазами нависали обезьяньи брови. К этому портрету можно еще добавить широкие бедра, узкие плечи, ноги разной длины и грязные кривые пальцы. В довершение ко всему у него был нервный тик.

Медленно тянулись секунды, а незнакомец продолжал сидеть. Через некоторое время все вокруг опустело. Быстрым змеиным движением незнакомец достал из кармана миниатюрный атомный сварочный аппарат. Сверкнуло маленькое, неправдоподобно горячее пламя, и цепочка, соединяющая план Билла с его ремнем, оказалась намертво приваренной к металлу скамейки. Билл даже ухом не повел.

Дьявольская гримаса исказила лицо красноногого незнакомца – так на поверхности болота расходятся медленные круги от нырнувшей крысы. Атомное пламя перерезало цепочку у самого корешка плана. Сунув сварочный аппарат в карман, злодей вытащил план из рук Билла и поспешил удалиться.

3

Поначалу Билл недооценил всей тяжести своего положения. Когда постепенно, с гудящей головой он вынырнул из глубокого сна, пришло ощущение какой-то утраты. Бесплодно дернувшись раз-другой, так и не сумев встать, Билл обнаружил, что план исчез, а цепочка приварена к скамейке. Пришлось отстегнуть цепь от ремня и оставить ее на лавке. Билл вернулся ко входу в сады и постучал в окошко кассы.

- Деньги не возвращаем! – произнес робот-кассир.
- Я хочу заявить о преступлении.
- О преступлениях заявляют в полицию. Телефон рядом, номер полиции сто одиннадцать – одиннадцать – сто одиннадцать.

В стене распахнулась дверца, и из нее выскочил телефонный аппарат. При этом он с размаху так ударил Билла в грудь, что тот едва удержался на ногах. Вздохнув, Билл набрал номер.

– Полиция, – отозвался недовольный голос, и на экране возник сержант с бульдожьей мордой, облаченный в синий мундир.

– Я хочу заявить о краже.

– Особо крупная? Мелкая?

– Не знаю. У меня украли план.

– Мелкая. Обращайся в ближайший полицейский участок. Это телефон аварийного вызова, а ты занимаешь его без всяких оснований. Безосновательный аварийный вызов карается по законам...

Билл поспешил повесить трубку и вернулся к кассе.

– Деньги не возвращаем! – заявил кассир.

– Заткнись! – взорвался Билл. – Мне надо узнать лишь, где находится ближайший полицейский участок.

– Я робот-кассир, а не справочная. В моей памяти нет этой информации. Лучше всего загляни в свой план.

– Но его у меня украли!

– В таком случае обращайся в полицию.

– Но... – Билл покраснел от злости и, в сердцах захлопнув окошко кассы, побрел прочь.

– Деньги не возвращаем! – донеслось ему вслед.

– Эй, братишка, не грусти, лучше чарку пропусти! – тоном искусителя промурлыкал тихо подкатившийся роботизированный бар и воспроизвел чудесный звук сталкивающихся кубиков льда в заиндевевшем бокале.

– Ты прав, черт побери! Пива. Большую! – Билл опустил несколько монет в монетоприемник и на лету поймал банку, которой робот выстрелил из раздаточного отверстия. Пиво освежило организм и охладило его пыл. Прямо перед собой Билл увидел стрелку с надписью «К Рубиновому дворцу».

«Сначала я взгляну на дворец, а потом пойду поищу кого-нибудь, кто покажет дорогу к полицейскому участку... Ой!»

Роботобар внезапно выхватил у него из рук банку, чуть не оторвав пальцы, и с невероятной ловкостью швырнул ее в зияющую пасть мусоросборника.

Рубиновый дворец оказался таким же малодоступным, как и Висячие сады, поэтому Билл решил не тратить на билет, дающий право приблизиться к окружающей дворец загородке. Недалеко от входа стоял полицейский, небрежно помахивая дубинкой. Ну уж этот наверняка знает, где находится ближайший участок.

– Извините, вы не подскажете, как пройти к ближайшему полицейскому участку? – спросил Билл.

– Я тебе не стол справок! Смотри в своем плане!

– Не могу, – выдавил Билл сквозь стиснутые зубы. – Мой план украден, именно поэтому я хочу найти... Ай!

Билл сказал «Ай!» потому, что полицейский профессиональным движением ткнул его дубинкой в солнечное сплетение и прижал к углу.

– Слушай, парень, я и сам когда-то был в армии, пока не откупился...

– Ваши воспоминания доставили бы мне значительно больше удовольствия, если бы вы были так любезны убрать эту дубинку... – с трудом проговорил Билл и облегченно перевел дыхание, когда дубинка была убрана.

– Так вот, – продолжал полицейский, – я сам когда-то был солдатом и не хотел бы, чтобы славный малый с Пурпурным дротиком и Угольным Мешком искал на свою голову неприятно-

стей. Я очень порядочный фараон и взятки не беру. Но я бы чувствовал себя обязанным, если бы кто-нибудь одолжил мне двадцать пять имперских. До ближайшей полочки, разумеется.

Билл хотя и уродился туповатым, но соображать научился быстро. Деньги сделали свое дело, и фараон подобрел прямо на глазах. Постукивая кончиком дубинки по своим желтым зубам, он заговорил:

– Позволь, приятель, сказать тебе пару слов, прежде чем сделаешь мне официальное заявление. Считаю нашу беседу дружеской. Существует куча способов заработать себе массу неприятностей в столице, но самый легкий из них – потерять свой план. Это самое тяжкое преступление на Гелиоре. Знал я как-то одного парня, который пришел в участок заявить, что у него украли план. Так вот, он оказался в наручниках всего за десять секунд. Или даже за пять. Итак, что ты хотел мне сообщить?

– У вас спичек не найдется?

– Не курю.

– До свидания.

– Счастливо, приятель!

И Билл сорвался с места. Только за поворотом он остановился и, тяжело дыша, прислонился к стене. Что же теперь делать? Даже при наличии плана Билл с большим трудом перемещался по планете; как же можно обойтись без него? Где-то внутри Билл почувствовал свинцовую тяжесть, но постарался не обращать внимания на свои ощущения. Все ощущения на потом, решил Билл и попытался пораскинуть мозгами.

Это занятие оказалось не таким простым, ибо мысли его сосредоточились на единственной теме – пище. Ему казалось, что долгие годы прошли с тех пор, как он последний раз поел, и его слюнные железы заработали с такой яростью, что он едва не захлебнулся. Билл понял, что до тех пор, пока он не склонится над сочным бифштексом, ему не найти выход из сложившегося положения. А ведь должен же быть какой-то выход! До отправки у него в запасе почти целый день, а это уйма времени.

За очередным крутым поворотом его взору открылся яркий высокий туннель, пестрящий рекламными огнями. Ярче всех блистала вывеска, которая гласила: «Золотой скафандр».

– «Золотой скафандр»! – Билл присвистнул. – Это уже кое-что. Знаменитый на всю Галактику ресторан, его без конца по телевизору показывают. Уж здесь-то можно восстановить свои силы и моральный дух. Конечно, обойдется дороговато, да где наша не пропадала...

Билл подтянул ремень, поправил воротничок мундира и поднялся по широким раззолоченным ступеням. В холле, имитирующем шлюз космического корабля, его приветливо встретил улыбающийся метрдотель. Полились мягчайшие звуки музыки, обволакивая его, как вдруг пол ушел из-под его ног. Безуспешно пытаясь зацепиться за что-нибудь, Билл скатился вниз по золоченой трубе, пролетел, извиваясь, по воздуху и растянулся во весь рост на пыльном металлическом тротуаре. Приподнявшись, он увидел надпись, начертанную на стене огромными буквами: «Пшел вон, хам!»

Билл встал и отряхнулся. Неизвестно откуда появившийся робот зашептал ему на ухо голосом юной девы:

– Ты, верно, голоден, милый? Почему бы тебе не отведать новоиндийской пиццы с карри Джузеппе Сингха? Это в нескольких шагах отсюда. Вот визитная карточка, на обороте план.

Робот извлек карточку из щели в своей груди и сунул ее в рот Биллу. Это был дешевый и скверно отрегулированный робот. Выплюнув моментально раскисшую карточку, Билл принялся обтирать ее носовым платком.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Ты, верно, голоден, милый, гrrrrr-арх! – Робот, дезориентированный вопросом Билла, переключился на другую программу с некоторым опозданием. – Тебя вышвырнули из «Золотого скафандра», ресторана, знаменитого на всю Галактику, потому что ты жалкая дешевка. На

входе тебя просветили рентгеном и пересчитали содержимое твоих карманов. Оказалось, что всей твоей наличности не хватает даже на одну рюмку. Но ты же голоден, не правда ли, милый?

Робот пристально посмотрел на Билла и вновь принялся его соблазнять:

– Милый, пошли к Сингху, у него дешево и сердито. Попробуй чудесную лазанью с приправой и лимонным соусом...

И Билл направился к Сингху – не потому, что вознамерился отведать какой-то сомнительной бомбейско-итальянской стряпни, а потому лишь только, что на обороте визитки имелась небольшая карта с инструкцией. Сознание того, что он снова идет целенаправленно, придавало ему уверенности. Следуя требованиям инструкции, Билл спускался эскалаторами, поднимался лифтами и боролся за свободное место в жутко переполненном транспорте. В конце концов он достиг цели – в нос ударила волна смрада подгоревшего мяса, прогорклого жира и старого чеснока.

Пицца оказалась намного хуже и дороже, чем можно было ожидать, но все-таки Билл получил некоторое удовлетворение, умирив желудок пищевой атакой. Насытившись, он стал выковыривать ногтем из зубов застрявшие остатки хрящей, поглядывая при этом на своего соседа по столу. Это был толстяк, одетый в пестрый выходной костюм. Он негромко постанывал, ложку за ложкой вливая в себя какое-то жуткое пойло. Толстяк производил впечатление человека мягкосердечного и добродушного.

– Привет! – поздоровался с ним Билл и улыбнулся.

– Отвали!

– Но я всего лишь сказал «привет».

– Хватит и этого. За шестнадцать часов, что я провел на этой проклятой планете, каждый, кто обратился ко мне, пытался надуть меня, облапошить или обокрасть. Я доведен до отчаяния, а ведь у меня впереди еще целых шесть дней экскурсии «Увидишь Гелиор – будешь счастлив!».

– Я только хотел попросить разрешения заглянуть в ваш план, пока вы едите...

– Вот я и говорю, что каждый так и норовит облапошить меня. Отвали!

– Ну, прошу вас... пожалуйста...

– Ладно, я дам тебе взглянуть в план за двадцать пять имперских, причем деньги вперед и только пока не доем.

– Годится!

Вручив соседу деньги, Билл нырнул под стол и, усевшись по-турецки, принялся лихорадочно листать план, с максимальной скоростью определяя курс и запоминая инструкции. Толстяк, сопя и кряхтя, продолжал поглощать пищу, а когда ему попался особенно неприятный кусок, он содрогался всем телом, и цепочка, прикрепленная к плану, выдергивала книгу из рук Билла. Чертыхаясь, Билл начинал все заново. Ему удалось определить почти половину маршрута до Пересыльного пункта, когда толстяк, покончив с трапезой, встал, вытянул план из-под стола и направился к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.